

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№2 (8), 2015

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко,
компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова,
дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.5.2015. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2015

© Редакция журнала, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
Публикации	
<i>Р. Г. Назиров</i> История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть II. Предисловие и публикация С. С. Шаулова.	6
Биографический отдел	
<i>Б. В. Орехов, С. С. Шаулов</i> Очерк научной биографии Р. Г. Назирова	75
Исследования	
<i>Б. В. Орехов</i> Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов	118
Рецензии	
<i>С. Ю. Данилин</i> «У каждого смысла будет свой праздник возрождения» Рецензия на «Назировский сборник» (2011).	133
Библиография	
Сводная библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955–2015) Составитель Б. В. Орехов	150
Правила для авторов	194

Б. В. Орехов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,

С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Очерк научной биографии
Р. Г. Назирова

0. Источники. Круг источников, на которые мы можем опереться при составлении биографии Назирова, не очень широк, но довольно разнообразен. Прежде всего, это автобиографические свидетельства. Часть из них уже опубликована в различных номерах «Назирова архива»:

1) автобиография Р. Г. Назирова, написанная в 1998 году как часть заявки на университетский travel grant¹.

2) дневниковые записи с 1951 по 1971.

3) история семьи, написанная сестрой Ромэна Гафановича Диной Гафановной и включающая в себя важные сведения о нем².

4) некоторые художественные тексты Р. Г. Назирова, имеющие явный автобиографический претекст.

Есть в нашем распоряжении имеются и некоторые официальные документы:

1) выписка из трудовой книжки Р. Г. Назирова³.

2) личный листок по учету кадров⁴.

Архив Назирова также включает в себя довольно богатый эпистолярный фонд. Важны для реконструкции биографии многие адресованные ему письма, а также немногочисленные черновики его ответов своим корреспондентам.

Кроме того, некоторую пользу могут принести и личные, к сожалению, как правило, устные свидетельства Д. Г. Назировой, Т. Н. Барышниковой, А. П. Филиппова, А. А. Илюшина⁵, Р. Х. Якубовой, В. В. Борисовой, С. А. Саловой, В. Н. Захарова, Б. Н. Тихомирова, А. Л. Осповата⁶ и др. (в том числе и авторов этих строк).

Кроме того, в открытых источниках содержится ряд документов, проливающих свет на историю семьи Назировых, и трудов историков и краеведов.

1. **Родительская среда.** «Гафан⁷ Шамгунович Назиров, мой отец, родился в 1899 году в семье крестьянина в Уральской (ныне Курганской) области, в селе Дубровна, которое татарски называется Магди`». Дина Гафановна в своих воспоминаниях указывает другое название малой родины отца — Большие Дубровны. Официальное современное наименование этого села — *Большие Дубровное* Усть-Уйского района Челябинской (ныне Курганской) области.

---

¹ НА. 2013. № 1. С. 137—139.

² НА. 2013. № 1. С. 140—142.

³ НА. 2013. № 2. С. 113—114.

⁴ НА. 2014. № 1. С. 119—122.

⁵ Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирове // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 42. С. 146—150.

⁶ НА. 2014. № 2.

⁷ Так у Назирова. Д. Г. Назирова вспоминала, что в отчестве Ромэна вторую «ф» из имени «Гаффан» потеряли при составлении свидетельства о рождении.

Большое Дубровное, расположенные рядом Малое Дубровное и Трёхозёрки представляют собой район компактного проживания так называемых ичкинских татар. В то же время (в конце XIX века) вокруг этих сел и в них самих жило значительное число уральских казаков. То есть отец Ромэна Гафанович вырос в ситуации фактического двуязычия, что, конечно, облегчило ему дальнейшее образование и карьеру. В воспоминаниях одного из жителей Большого Дубровного это село предстает относительно благополучным: «То было большое село в три улицы, опрятное, благопристойное, с зелеными палисадниками почти у каждого дома. Не все люди жили в одинаковом достатке. Были хоромы, были пятистенные домики и кое-где землянки, но все содержалось в полном порядке»⁸.

«С раннего детства он остался калекой, т. к., оставленный без присмотра во время полевых работ, он получил сильный ожог, повредивший ему ногу. С тех пор он хромотал всю жизнь, хотя мог ходить довольно быстро и хорошо плавал, это я помню (я помню, как летом 1937 года мы приехали в автомобиле на Дёму, отец плавал и звал шофера искупаться)». Важно, что Назиров сохранил личные воспоминания об отце, помимо прочего свидетельствующие, что уровень жизни члена правительства автономной республики был относительно высок (в частности, он имел служебную машину и личного шофера). В дальнейшем детям Гаффана Шамгуновича пришлось познакомиться с гораздо менее комфортным бытом.

Старший Назиров был убежденным большевиком первого послереволюционного призыва и сделал закономерную карьеру: «Во время гражданской войны отец помогал скрываться дезертирам из армии Колчака. С 1919 года отец стал членом РКП(б). Позже он учился в Москве, в ИПК, (“и-пэ-ка”, институт красной профессуры)». По воспоминаниям сестры Дины Гафановны поездка в ИПК была судьбоносной для семьи: Гаффан Шамгунович и Эсфирь Исааковна познакомились в поезде на Москву⁹.

Целью знаменитого «института красной профессуры» было формирование культурной и управленческой элиты советского государства. Кандидаты проходили многоступенчатый отбор, включавший в себя не только несколько идеологических фильтров, но и проверку интеллектуального багажа и способностей (возможно, выборочную и вариативную). Назиров поступил в это заведение в тот момент, когда одним из критериев пригодности стал значительный партийный стаж (не менее 8 лет)¹⁰. Нам неизвестны подробности его профессиональной и партийной деятельности в промежутке от 1919 до поступления в ИПК, которое, по всей вероятности, состоялось в конце 1920-х годов, однако известно, что основной контингент поступающих уже имел за плечами высшее образование, полученное,

---

⁸ Подкорытова Л. Г. Из писем отца // Зауральская генеалогия I. Курган, 2000. http://www.kurgangen.org/about/ZGO_Trudy/ZGO_I/

⁹ НА 2013. № 1. С. 141.

¹⁰ См.: Козлова Л. Г. Институт красной профессуры (1921—1938). Историографический очерк // Социологический журнал. 1994, № 1. С. 104. (всего С. 96—112).

например, в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Желателен был и опыт руководящей партийной работы. Большинство выпускников ИПК в дальнейшем заняли высокие посты в системе управления страной. Не был исключением и Гаффан Шамгунович: «Не знаю, окончил ли отец ИПК. В то время партия объявила призыв в политотделы (известные семнадцать тысяч политотдельцев), и отец поехал в Башкирию. В 1933 — 1935 годах отец был начальником политотдела совхоза “Лагерный”: тогда он назывался совхоз имени Быкина и числился в Кигинском районе, а ныне в Салаватском районе». Современные историки считают так называемый «политотдельский период» ключевым этапом коллективизации, политотделы создавались как «чрезвычайные органы Коммунистической партии, наделенные полномочиями политических, хозяйственных и карательных органов»¹¹. У нас нет данных, позволяющих строить заключения о характере деятельности старшего Назирова на посту начальника политотдела, однако, судя по его дальнейшей карьере, она была достаточно эффективной: «После упразднения политотделов мы поселились в Уфе, и я начинаю помнить себя. Сначала мы жили в больших деревянных корпусах на улице Сталина рядом с тем зданием, где теперь помещается пединститут и где я учусь (тогда это не было здание пединститута). Отец стал членом башкирского правительства, он возглавлял¹² управление по делам искусств при Совнарком БАСССР». Дина Гафановна пишет об этом так: «В 1935 году отца перевели на работу в Уфу, он преподавал в совпартшколе, затем был назначен начальником управления по делам искусств при Совнарком Башкирии»¹³. С современной точки зрения эта карьера выглядит этически неоднозначной. В ситуации, когда в стране шли массовые репрессии, любая управленческая позиция требовала, как минимум, автоматического одобрения происходящего.

Эсфирь Исааковна Волович родилась в городке с литературным названием Миргород, в религиозной еврейской семье. В этом же городе она закончила финансов-экономический техникум, после чего отправилась в Москву, где начала трудовую биографию в артели «Красный галантерейщик». Очень скоро устроилась и в первую в ее жизни газету — многотиражку завода «Красная Пресня»¹⁴. Видимо, ее представления о жизненных целях рано разошлись с заложенными в традиционно патриархальную культуру иудаизма. В какой-то момент возник даже внутрисемейный конфликт, связанный в том числе и с ее браком. В своем дневнике Ромэн Гафанович, описывая приезд бабушки и тети после ареста родителей, пишет: «До этого они к нам не приезжали, и дедушки Исаака я не видел никогда, т. к. они были религиозные евреи, а мама вышла за татарина, и в родне запретили произносить её имя, и дядя её Глушкин проклял свою любимую племянницу». Тем не менее из этой записи видно, что в сложный жизненный момент родство было восстановлено и в дальнейшем уже не

---

¹¹ Зеленин И. Е. Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история, 1992, № 6. С. 42. (всего С. 42 - 63).

¹² Двойное чтение рукописи: «возглавил».

¹³ НА 2013. № 1. С. 141.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 2, 4.

прерывалось (так, в дневнике Назиров не раз переписывает письма своих двоюродных братьев). Связь с еврейской культурой и еврейской этничностью, очевидно, также стала одним из факторов, стимулировавших интерес Назирова к проблеме тирании и насилия в истории. Дед Назирова Исак-Арон Волович был расстрелян во время Шоа (Холокоста) в 1941 году¹⁵, видимо, не успев эвакуироваться. Без сомнения, внуки знали о судьбе деда.

По воспоминаниям Рашиды Красновой, младшей коллеги Эсфири Исааковны из редакции «Советской Башкирии», в ранней молодости она успела пожить в послереволюционной Москве: «Она училась и работала на какой-то фабрике в Москве. Здесь у нее было полно родственников по фамилии Гутнер. Один из двоюродных братьев, Герц Гутнер, был журналистом. Родной брат Александр — собкором "Красной звезды" в Харькове. Жила Эсфирь у Герца и его жены, красавицы Жени Свердловой, которой, по семейной легенде, сам Михаил Булгаков делал предложение руки и сердца, но она ему отказала. У Гутнеров бывали Есенин, Маяковский, известные музыканты и артисты»¹⁶. Эти мемуары, разумеется, опираются не на собственные впечатления автора, а, скорее всего, на рассказы самой Э. И. Волович. Тем не менее необходимо зафиксировать несколько любопытных соображений.

Судьба молодой Эсфири Исааковны поразительным образом следует заданной еще в конце XIX века культурной модели. Типаж молодой, интеллектуально и материально самостоятельной девушки в ее случае подкрепляется первоначально избранной профессией: «В юности, еще не ведая о том, что станет журналистом, в совершенстве овладела стенографией»¹⁷. Примеров в разной степени эмансипированных стенографисток в русской истории более чем достаточно. Однако говоря о семье Назирова, лучше всего вспомнить самую знаменитую — Анну Григорьевну Достоевскую. Эта культурно-поведенческая модель не забыта и до сих пор, хотя, разумеется, тривиализована массовой культурой. Так, героиня романа «Турецкий гамбит» Б. Акунина Варвара Суворова встроена в хорошо узнаваемый шаблон свободной и независимой «идейной» женщины: «...Варя выучилась на стенографистку и зарабатывала до ста рублей в месяц»¹⁸.

Логичным решением для молодой энтузиастки 1920-х годов выглядит участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината, куда она приехала в 1933 году¹⁹. Здесь она поступила на работу в газету «Магнитогорский рабочий», где быстро стала заведующей отделом информации²⁰. В дальнейшем именно на этой должности она работала в

---

¹⁵ Лист свидетельских показаний.
<http://db.yadvashem.org/names/nameDetails.html?itemId=9538702>

¹⁶ Краснова Р. Старый день печати // Уфа, № 5 (90) 2009.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Акунин Б. Турецкий гамбит. М, 2004. С. 12.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 2, 4.

²⁰ Она работает в «Магнитогорском рабочем» примерно в то же время, когда там начинает печататься известный поэт Борис Ручьев. В 1963 году Назиров напишет в дневнике: «На днях отметили 50-летие талантливого поэта Бориса Ручьева, живущего в Челябинске. Лет 17

уфимских газетах «Ленинец» (в наше время «Молодежная газета») и «Советская Башкирия» (сейчас «Республика Башкортостан»). Коллегам запомнился ее волевой и требовательный характер: «Считаю, что мне здорово повезло: после Казанского университета я попал в “Советскую Башкирию” к Волович, — рассказывает журналист Амир Валитов. — Работал с ней три года. Обо мне она как-то сказала: “Ну этого еще можно читать”. В ее устах фраза прозвучала как высшая похвала. Поражала скрупулезность Эсфири Исааковны. Ошибок у нас никогда не было. Перед сдачей материала в секретариат текст вычитывали вдвоем: Волович и тот, кто готовил его. А еще она требовала добросовестно и в срок отвечать на письма читателей»²¹. Кроме того, должность заведующего отделом информации, тем более, в советское время, предполагала не только колоссальную работоспособность сотрудника, но и умение эффективно и изобретательно взаимодействовать одновременно с коллективом и с контролирующими инстанциями. Если прибавить к этому соображение, что Эсфирь Исааковна сумела без мужа вырастить двоих детей и дать им образование, то психологический образ матери как фактор, определивший развитие личности Ромэна Гафановича, становится яснее.

В одной из глав своей последней монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» Назиров пишет: «Несмотря на суровую патриархальность иудаизма, он горделиво славит в веках самоотверженность еврейской женщины»²². По всей видимости, в его творческом сознании существовала житейская параллель к этой мысли. Сам он в молодости в дневнике, сравнивая свою судьбу с судьбой матери, формулировал это так: «Она замечательный человек, а я слабак. Мне не хватило в жизни испытаний»²³. За юношеским максимализмом здесь, однако, можно разглядеть ту определяющую и направляющую роль, которую она играла в жизни сына.

Отметим, что даже сама возможность личного знакомства матери с такими фигурами Серебряного века, как Есенин и Маяковский, радикальным образом сокращает ощущение исторической дистанции между эпохой легендарной классики и современностью²⁴. Ромэн Гафанович удивлял своих студентов и даже коллег по науке своеобразным “свойским”

или около того он провёл в концлагере; за что посадил его Сталин, я не знаю. Ручьёв написал когда-то известную песню “Спят курганы тёмные” из I серии кинофильма “Большая жизнь” <...>. Песню пел весь Союз, когда в товарном поезде Ручьёв направлялся на восток, далеко от Москвы... Сейчас он, по слухам, крепко пьёт. Жизнь его загублена» (оп. 4, д. 6, лю 156). Как видим, никаких упоминаний о личном знакомстве матери с поэтом нет.

²¹ Цит. по: Краснова Р. Старый день печати.

²² Становление мифов. С. 97.

²³ 1964, 0047

²⁴ Ср. у принадлежащего к тому же поколению М. Л. Гаспарова: «Я позволю себе сказать, что для меня и моих сверстников живое ощущение прошлого начинается с Серебряного века <...> А тогда, в 1900 году, оно также естественно начиналось с Карамзина и Жуковского <...>. Пушкин тогда был достаточно живым явлением, чтобы футуристы именно его, а не Ломоносова, сбрасывали с парохода современности» *Гаспаров М. Л.* Столетие как мера, или Классика на фоне современности // НЛЮ. 2003. № 62.

отношением к классике. Он любил подчеркивать, что знает XIX век настолько хорошо, что мог бы в нем жить. Может быть, это ощущение близости к легендарной классике позаимствовано им у матери. Позднее это ощущение укрепилось в пору его учебы в аспирантуре МГУ.

В целом, влияние матери на Ромэна Гафановича несомненно. Она поначалу направляла ход его карьеры, однако, его собственное интеллектуальное развитие, судя по дневникам, шло в самостоятельном режиме. В них нет следов ее активного и авторитарного влияния на круг чтения и культурных интересов Назирова. Так, в своей первой дневниковой тетради 1951 года он пишет, что начал изучать французский самостоятельно — чтобы читать французских историков: «Я специализируюсь на Французской революции, как Тарле — на Наполеоне и Лозинский — на итальянском Возрождении. <...> Специально для этого взялся за изучение французского языка»²⁵.

В то же время именно Эсфирь Исааковна, по всей видимости, была для молодого Назирова арбитром в области изящной словесности. Именно она должна была решить судьбу одного из ранних художественных опытов, рассказа «Грубая ошибка»: «Завтра <...> перепишу рассказ набело и пошлю маме в Уфу. Если она найдёт, что рассказ сто`ющий, то пусть даст отбить на машинке и пристроит куда-нибудь (может быть, в “Учительскую газету”»²⁶. Живая эмоциональная связь с матерью сохранялась до самой ее смерти, которая, очевидно, стала сильнейшим потрясением для Назирова, заставившим бросить двадцатилетнюю привычку вести дневник: «Мама умерла 12 ноября 1970 года. Не буду больше вести дневник. Думаю, никогда. Октябрь 1971»²⁷.

2. Провинциальные «дети Арбата». Ромэн Гафанович Назиров родился 4 февраля 1934 года. По всей видимости, первые три года его жизни были благополучными. Но на рубеже 1937—1938 башкирское правительство, по выражению самого Р. Г. Назирова, было «разгромлено» А. А. Ждановым²⁸, лично инспирировавшим процесс репрессий в БАССР. На III пленуме Башкирского Обкома ВКП(б) 4—6 октября 1937 Жданов «обрушился» на местных «националистов», якобы являвшихся агентами А.-З. Валидова, деятеля башкирской антисоветской эмиграции. Представление о скорости развития событий того времени можно получить, вчитавшись в дневниковое свидетельство Ромэна Гафановича: «Мы переехали на улицу Гоголя, 24²⁹, поблизости от этого места, где жил Мажит Гафури. Наша новая квартира была унаследована от арестованного перед этим Булашева. На этой злополучной новой квартире, 12 января 1938 года был арестован мой отец» (56-58, 1, 791). Зинатулла Гизятович

---

²⁵ АРГН, оп. 4, д. 1, л. 8.

²⁶ 1957 231

²⁷ 1966-1971, вл. папка, 0030. Дневниковых записей между 12 ноября 1970 и октябрём 1971 в архиве Назирова не обнаружено.

²⁸ НА. 2013. № 1. С. 138.

²⁹ Дом сохранился до настоящего времени.

Булашев (1894—1938) был не кем иным как Председателем Совета народных комиссаров Башкирской АССР, то есть руководителем автономной республики. Его арест состоялся 4 октября 1937 года³⁰. По всей видимости, Назиров-старший успел пожить в квартире своего бывшего начальника всего несколько месяцев. 11 января 1938 г.³¹ отец Ромэна Гафановича³² также был арестован.

Воспоминания о жизни перед арестом отца, возможно, отразились в небольшом рассказе «Пролог», помещённом в дневнике за 1957 год. Фактически это зарисовка быта семьи высокопоставленного чиновника в период массовых репрессий. Этот быт подчинён страху (родители тайком жгут книги опальных авторов), приводящему порой к сделкам с совестью (отец пишет статью против «врагов народа», мать её правит). Сложность этической проблематики рассказа обнаруживается в контрасте с естественным взглядом ребёнка: «А что папа опять летит на самолёте? — раздался детский голос. Муж и жена вздрогнули и обернулись. На пороге спальни стоял шестилетний мальчик в ночной рубашке, зевал и тёр кулаком глаза»³³. Есть серьёзное искушение прямо соотнести этого мальчика с автором.

10 июля следующего года Гаффана Шамгуновича расстреляли одновременно с еще 42 (по другим данным 32) наиболее заметными башкирскими интеллигентами: Даутом Юлтымем, Тухватом Янаби, Габдуллой Амантаем и др. Современные краеведы и журналисты называют этот день «башкирским кровавым воскресеньем»³⁴. «Семье его было объявлено, что он приговорён к “десяти годам без права переписки”»³⁵. Предыдущего жильца «злополучной» квартиры расстреляли на следующий день.

Однако в полученном в 1956 год Назировым свидетельстве «о смерти на отца» значилось, что он «умер 29 октября 1941 года». Таким образом, Назиров имел ошибочное представление о дате смерти Гаффана Шамгуновича и считал, что тот «прожил <...> 42 года». Официально не были прояснены и обстоятельства смерти: «Графы “причина смерти” и “место смерти” не заполнены» (56-58, 1, 844-845). Официальная дата реабилитации Назирова-старшего — 8 декабря 1956 года.

3 января 1957 года Эсфирь Исааковне выдали «официальный документ о посмертной реабилитации Гаффана Шамгуновича Назирова. Приговор от 10 июля 1938 года ввиду открытия новых обстоятельств пересмотрен и дело Назирова прекращено за отсутствием состава преступления» Назиров резюмирует это скупым «Хорошо». (56-58, 2, 036).

---

³⁰ См.: «Проявите гуманность и убейте сразу...» : Письмо М. А. Спиридоновой / публ. В. Виноградова, А. Литвина, В. Сафонова // Источник. – 1998. – № 1, – С. 64-84. С. 77. Книга памяти Башкортостана.

³¹ Д. Г. Назирова пишет, что ее отец был арестован в конце 1937 года.

³² Саламатова Г. Кровавое воскресенье кровавого года // Ватандаш 2013. № 7.

³³ 1956-1958, 2, 087.

³⁴ Воронцова Ю. С. Национальная политика и гуманитарная интеллигенция Башкирской АССР В 30-е годы // Российский электронный научный журнал.

³⁵ НА. 2013. № 1. С. 138.

По всей видимости, оставшись в самых ранних воспоминаниях сына, отец и его образ не оказали значительного влияния на формирование личности Ромэна Гафановича, зато старший Назиров стал для своих детей символической, в каком-то смысле даже «мифологической» фигурой. Память о нем отзывалась в их дальнейшей жизни, тревожа воображение и сознание. Так, в 1962 году после посещения выставки современной живописи Назиров пишет: «Я никогда не забуду, что мой отец в молодости был простым пахарем. Я внук земли, и поэтому Аркадий Пластов мне дорог: в лучших своих вещах он правдив и честен» (1962 л. 11).

Судьбу мужа едва не разделила Эсфирь Исааковна, подобно тому, как в октябре 1937 вслед за мужем была арестована Мукарама Булашева, супруга бывшего председателя республиканского Совнаркома. Назиров пишет об этом так: «22 июля 1938 года арестовали маму»³⁶. Однако Эсфирь Исааковне повезло: «В конце ноября 1938 года рано утром мама вернулась домой»³⁷. Ромэну Гафановичу в этот момент было четыре с половиной года. В его дневниках встречаются воспоминания об этом периоде.

В автобиографии Назиров указывает причиной освобождения матери мартовский пленум 1938 года, увязывая его со смещением Н. И. Ежова с поста наркома НКВД. Ежов лишился своего поста в ноябре 1938 года, что действительно совпадает с датой возвращения Эсфири Исааковны из-под ареста. В истории партии остался февральско-мартовский пленум, но 1937 года, официально запустивший волну «большого террора». В памяти Ромэна Гафановича дата возвращения матери могла сместиться. Может быть, впрочем, ошибка была намеренной: Назиров как бы проверял память своих поздних современников.

После освобождения матери злключения не закончились. Сам Ромэн Гафанович в дневнике за 1964 год вспоминал об этом так: «Когда мама осталась одна, мне было три года и 11 месяцев, а Дине — 1 год и 3 месяца. Пока мама сидела в тюрьме, к нам спешно приехала с Украины бабушка Муся. <...> Мама после тюрьмы долгое время не работала, продавала вещи. Её не брали на работу, с ней боялись здороваться. Она поступила на работу в радиокомитет. Лишь когда началась война, её снова приняли в “Красную Башкирию”: журналисты пошли на фронт. Мама очень много работала»³⁸.

Ромэну Гафановичу вторит в своих мемуарах его сестра: «Мама решила уехать в Харьков, где в это время жили её сестра и брат. Брат мамы Александр Волович был корреспондентом газеты “Красная Звезда”»³⁹. Д. Г. Назирова пишет также о «ссылке», к которой была приговорена Эсфирь Исааковна после освобождения, однако в других биографических материалах это не находит подтверждения. Кроме того, в документах, которые Э. И. Волович

---

³⁶ НА. 2013. № 1. С. 141.

³⁷ НА. 2013. № 1. С. 142.

³⁸ 1964, 0047

³⁹ НА. 2013. № 1. С. 142.

собирала для получения персональной пенсии, указано, что уже в январе 1939 года она была принята на работу в Башрадиокомитет⁴⁰.

Очевидно, впрочем, что память 38-го года осталась в семье навсегда. Показательно, что в своей официальной биографии Эсфирь Исааковна полностью обошла этот эпизод: «С мая 1935 и по сей день работаю в газете “Красная Башкирия” — “Советская Башкирия”»⁴¹.

Это ощущение страха, должно быть, сильно повлияло и на воспитание детей. Ромэн Гафанович, судя по дневникам, был искренне лоялен советской власти и, видимо, испытывал предписанный этикетом эпохи священный трепет перед личностью отца народов: «Но когда великие люди трудятся, мыслят, сражаются или горят в великих бурях жизни, им некогда изощряться в остроумии на лощёной бумаге. Их дневник — скрижали истории.

<...> Маленький, сторбленный Ленин в своём скромном кабинете в Смольном подписывает первые декреты.

И Сталин, непостижимый и простой в одно и то же время, управляет жизнью народов. Им ли писать дневники?»⁴²

Позднее, в конце 1950 — 1960-х, фигура Сталина подверглась в сознании Назирова переосмыслению в рамках общего процесса оттепельной «десталинизации».

3. **Война и школа.** Великая отечественная война также должна была сильно повлиять на становление и развитие характера Назирова⁴³. Не совсем понятно, где начало войны застало семью. По воспоминания Д. Г. Назировой Эсфирь Исааковна с детьми в ноябре 1940 года уехала с детьми в Харьков, «где в это время жили ее сестра и брат <...>. Вскоре началась война. Уезжать нужно было немедленно, начиналась паника. Так мы вернулись в Уфу <...> жили мы на улице Аксакова в частном доме, где нам выделили комнату как эвакуированным <...> В 1943 году мы переехали в 12-метровую комнату в 2-х этажном бараке на улице Зенцова 14, корпус 2 квартира 3, здесь нас было 6 человек: мама, её сестра Мария (тётя Мэра), бабушка (мать пропавшего без вести мужа тёти Мэры), Рома, двоюродный брат Витя и Дина»⁴⁴. Однако в документах Эсфири Исааковны в ГАРФ этот эпизод никак не отражен, напротив, по данным личного листка члена КПСС, Э. И. Волович имеет после освобождения непрерывный трудовой стаж с января 1939 года, а в начале 1941 вернулась в редакцию газеты «Красная Башкирия».

В 1941 году Назирову было уже семь лет. По воспоминаниям сестры (1936 г.р.) он читал с четырех лет⁴⁵. Дневниковых или эпистолярных источников, из которых можно было бы почерпнуть информацию о том, как Назиров эмоционально пережил войну, нет. На военное

---

⁴⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 4.

⁴¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 5.

⁴² 1950-1951, 005.

⁴³ В архиве сохранилось несколько дел с вырезками Назирова, посвящёнными Великой отечественной войне: АРГН оп. 1, д. 19, оп. 3, д. 56, 57

⁴⁴ НА. 2013 № 1. С. 142.

⁴⁵ НА. 2013 № 1. С. 142.

время пришлось первые школьные годы Назирова (школа № 18). Бесспорно, оно оставило в его памяти глубокий след. В дневнике 1962 года, рассказывая о запуске в космос второго космонавта, он замечает, что голос Левитана, всю войну озвучивавшего сводки с фронтов, вызывает у него безотчетный страх: «Вчера <...> я услышал тревожащий душу знакомый голос Юрия Левитана» (оп. 4, д. 5, л. 9).

Имеющиеся в нашем распоряжении ученические тетради Назирова (8 «В» класс) демонстрируют вполне здоровое школьное прочтение литературных произведений, с необходимым в то время идеологическим минимумом: «Рылеев — поэт-патриот, поэт-гражданин. Для него жить — это значит бороться; писать стихотворение — значит призывать к борьбе <...> В своем творчестве Рылеев выражал гражданские чувства декабристов» (АРГН, оп. 3, д. 37, л. 199)

По первым страницам дневника, относящимся к старшей школе действительно виден юноша, вкус которого представлял смесь влияния советской идеологической системы и результатов интенсивного самостоятельного освоения мирового культурного наследия. Так, на вершину литературной иерархии он ожидаемо ставит советского классика Горького, но одновременно с этим читает Бальзака, Стендаля, Верхарна и многих других русских и зарубежных классиков, старательно фиксируя в дневниках юношеские литературные впечатления и пристрастия: «Сегодня я дочёл “Красное и чёрное”, Стендаля. Недаром Стендаля так любил мой Бальзак.

“Мой”! Мой Бальзак! Пусть возмущаются, но я ставлю его на 2-е место после Горького. Меня не переубедить»⁴⁶.

Однако было бы ошибкой считать, что он ориентировался исключительно на классику. Наоборот, в этот период его интересы чрезвычайно широки: «За последнее время я перечитывал Гоголя, прочел “Остров пингвинов”, раскопал один старый сборник былин, прочел “Страдания молодого Вертера” (замечательная книга, я почувствовал дух эпохи), перечитал “Фауста”, прочел у Нарики мимоходом “На всякого мудреца довольно простоты”, сейчас читаю новую “Молодую гвардию”. Молодчина Фадеев! Не считая Шолохова, лучший наш писатель. Есть страницы совершенной красоты! Тянет перечитать “Пармскую обитель”. Что-то во мне зреет (так сказать, творческая беременность, по И. Эренбургу)».

Назирова читал очень активно. В 11 классе он знакомится с опубликованным в «Новом мире» за 1946 г. и анализирует прочитанное (оп. 4, д. 1, л. 191). Новые тексты не просто встраивались в представления о мировой культуре, они подвергались независимому осмыслению и порой резкой эстетической оценке: «Я сейчас читаю “Гений” Драйзера. Вообще Драйзер не слишком мне нравится. Слоновый стиль, мерная поступь бога американской реалистической литературы. Его “Трагедия” — великая трагедия, но нельзя же

---

⁴⁶ 1950-1951, 006

так растягивать трагедию! Ведь это пытка: мрачный американский пессимизм, философия унылая и неутешительная».

Многое из зарубежной литературы Назиров осваивает в оригинале: в конце школы на французском и немецком. Так, 17 июля 1950 года он записывает: «Мои успехи во французском языке хороши. Занимаюсь им 7 месяцев и уже свободно перевожу с французского. Я перевел на русский язык целый рассказ Бальзак “El Verdugo”, из ранних романтических рассказов его, сейчас перевожу “La Berezina”». В дальнейшем он также занимался переводами. В дневниках постоянно встречаются самостоятельно переведённые тексты из польской и английской прессы. Известны его опыты переложения поэзии французских сюрреалистов⁴⁷. В устной беседе Назиров уже в 2000-х годах сообщил одному из авторов этих строк: «Знаете, почему культура XIX века в России была великой, а в XX веке такой ничтожной? Потому что в XIX веке много переводили, а в XX веке бросили это делать». Начало этой переводческой деятельности было положено еще в старшей школе. Тогда же началась его «галломания», интерес и внимание к французской культуре, сопровождавшие его до конца жизни⁴⁸. Его первый «научный» замысел — многотомная история французской революции. Ради чтения источников он и принялся за самостоятельное изучение французского: «Я специализируюсь на Французской революции, как Тарле — на Наполеоне и Лозинский — на итальянском Возрождении. <...> Специально для этого взялся за изучение французского языка. Parlez vous français? Je ne parle pas; да, пока ещё не парлю` по-французски, но мне лишь бы переводить отрывки из исторических книг»⁴⁹. Судя по этому отрывку французский (как позднее немецкий и итальянский) был изучен им самостоятельно.

Но желание быть историком конкурирует с жизненными планами, предполагавшими карьеру писателя. Даже свой дневник он изначально рассматривает как творческую лабораторию, записывая на первых его страницах: «Если не умру, я опубликую многотомный дневник в 2000-м году. Это будет “Исповедь” человека двадцатого века. А сколько повестей, рассказов и романов (sic!) можно наделать из этого» (оп. 4, д. 1, л. 2). В 1956 году Назиров подводит промежуточный итог своей жизни, отмечая, что писать начал с 10 лет (1944 год)⁵⁰.

В то же время Назирову был свойствен интерес к самым разнообразным явлениям культуры (от классических произведений искусства до выразительных бытовых мелочей).

---

⁴⁷ Назиров Р.Г. <Переводы из сюрреалистов> // НА. 2014, № 1. С. 68—72.

⁴⁸ Так, в личных разговорах он подчеркивал особое значение французской культуры в России, обнаруживал знакомство с французскими писателям второго и третьего ряда. В его архиве есть два страноведческих дела (АРГН оп. 1. д. 91, 92), посвященных Франции. Наконец, своим ученикам он давал темы, связанные с русско-французскими культурными взаимодействиями, среди которых самой заметной стала тема кандидатской диссертации для аспиранта М. С. Рыбиной о стихотворениях в прозе А. Бертрана и И. С.Тургенева. А. А. Илюшин подчёркивает, что Назирова называли «галломаном».

⁴⁹ 1950-1951, 008.

⁵⁰ 1956 1 832

Этот вездливое внимание одновременно к большому и малому в истории — одна из констант его творческого мышления, очевидное даже по структуре его архива⁵¹.

Так, в одной из первых дневниковых тетрадей зафиксированы устные воспоминания знакомой старухи о Шаляпине. Примечательно, что сразу вслед за тем он "наводит" на разговор о Шаляпине еще одного своего знакомого, а сразу после этих воспоминаний он помещает своего рода словарную справку о певце⁵². Подобный способ обращения с материалом был свойствен ему и позднее. Уже на первых страницах дневника школьник Назиров демонстрирует «энциклопедический» подход к историческому факту. Ему важен контекст, важны системные связи фактов, хотя, конечно, трактуется и то, и другое исключительно в естественной для того времени идеологической парадигме.

Судя по дневникам, Назирову свойствен крайний моральный максимализм (прежде всего, выражающийся в требовательности к женскому поведению), интерес к исторически и географически далеким фактам и текстам, стремление к творческой самореализации. Этот комплекс четко соотносится с романтическим культурным кодом. Вряд ли правильно искать конкретного героя, которому мог бы подражать Назиров, но круг типологически близких персонажей очертить возможно: это ряд гофмановских героев (студент Ансельм, Иоганнес Крейслер), социокультурные типы пушкинского Ленского, декабристов и воспитанников Царскосельского Лицея. Неосознанная саморомантизация должна была выделять его из среды сверстников, по крайней мере, в его собственных глазах.

Этот поведенческий комплекс дополнялся естественной для поколения Назирова идеей социального служения, требованием полезности гражданина своей стране, что подтачивалось подчеркнутой культуросцентричностью мировоззрения и физическими недостатками (сутулость, слабое зрение), болезненно переживаемыми на фоне советской пропаганды физического здоровья и готовности защитить Родину.

Идея общественного служения уже в юности Назирова подверглась серьезным испытаниям. Первый удар по ней нанесла неудачная попытка поступить в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена⁵³.

4. **«Ленинградская тетрадь».** После окончания школы в 1952 году Назиров едет Ленинград, чтобы стать историком. К поступлению он готовился заранее: заканчивая 8-й класс, Назиров с уверенностью пишет: «когда я буду учиться в Ленинграде». О событиях того лета рассказывает специально посвящённая этому дневниковая тетрадь. «Ленинградская тетрадь» стоит несколько особняком в ряду остальных частей дневника. Она оставляет

---

⁵¹ О равноправном сосуществовании в назировском архивном наследии масштабных историко-культурных обобщений и мнемонических записей о мельчайших бытовых деталях далеких эпох см. нашу статью: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // НА. 2014. № 1.

⁵² 1950-1951, 013-016.

⁵³ Дневник, описывающий эти события, частично опубликован в журнале «Нева», 2014, № 6. С. 168—188.

впечатление художественной обработки, композиционной цельности и отчётливых литературных ассоциаций Так, М. С. Рыбина, не давая этому специального аналитического обоснования, проводит параллель с романом карьеры. Возможны и другие историко-литературные ассоциации. Не будет фантастическим, на наш взгляд, предположить, что «Ленинградская тетрадь» в какой-то степени представляет собой результат литературной обработки Назировым реальных событий своей биографии. В истории культуры известны подобные явления. Так, Франц Кафка, которого Назиров впоследствии весьма ценил, относился к своим дневникам как к конструируемому по литературным законам тексту, а не как к максимально правдивой исповеди. Цитаты из дневников Кафки встречаются в последней монографии Назирова «Становление мифов».

Тем не менее, благодаря ленинградскому дневнику мы знаем о последовательности событий. Назиров подаёт документы для поступления именно в ЛГПИ им А. И. Герцена, потому что в советские времена существовал негласный лимит на приём в ЛГУ им. А. А. Жданова лиц еврейского происхождения⁵⁴. По всей видимости, в семье Назировых знали об этом правиле, что следует из слов Д. Г. Назировой: «Поступать на исторический факультет в университет было бесполезно»⁵⁵. Сдав все вступительные экзамены на «отлично», Назиров, тем не менее, не был зачислен ни в один институт. В ЛГПИ его не приняли под формальным предлогом (не сданный после ответа экзаменационный билет, который абитуриент взял себе в качестве сувенира), а в ЛПИ им М. Н. Покровского откровенно сообщили об истинной причине отказа: «Сегодня был у декана. “Не помните ли, по какой статье?” Глупая! Как я могу помнить! <...> 28 авг. В Покровский не зачислен. Подлое, грязное дело! Из-за отца». Последнее средство, которое мог вообразить себе лояльный советский юноша, не возымело действия: «В ответ на его письмо Сталину пришел иронично-издевательский ответ из Министерства образования: а зачем вам учиться в Москве или Ленинграде, зачем вам быть историком, есть и другие вузы и другие специальности у вас там, в Уфе».

В «сюжете» «Ленинградской тетради» есть тёмные места. Так, из неё не совсем понятен расчёт Назирова, прямо указавшего в анкете судьбу отца⁵⁶. Трудно представить, чем было обусловлено столь легкомысленное отношение к информации о репрессированном родственнике и самого Р. Г. Назирова, и Эсфири Исааковны, сопровождавшей сына в Ленинград.

---

⁵⁴ «„Выталкивание” евреев из престижных и особо важных для правящей группы сфер производства, управления, культурной и идеологической деятельности, ограничение или полное закрытие доступа в ряд вузов приняло невиданный размах в 1948–53 гг.» КЕЭ, том 6, кол. 851–859.

⁵⁵ НА. 2013. № 1. С. 142.

⁵⁶ Об анкете говорится в воспоминаниях Д. Г. Назировой и в набросках замысла романа, трактующего этот эпизод.

Эта неудача фактически определила дальнейшую жизнь Назирова. В результате он в 1953 году поступает на историко-филологический факультет БГПИ им К. А. Тимирязева. Это событие нашло свое отражение и в его литературном творчестве: в задуманном им в 1957 году романе аналогичное фиаско молодого героя является отправной точкой сюжета⁵⁷.

Очевидно также, что столь серьезный «провал» должен был оказать влияние на характер молодого Назирова. Развивая описанную выше аналогию с романтическим героем, мы можем добавить, что сформированный образ обогащается мотивом разочарования в окружающем мире, также укладываемым в исходный код.

Видимо, с этого момента начинается долгий процесс переосмысления советской действительности и своего места в ней, приведший Назирова от наивного сталинизма к трезвой критике советского строя и к исключению себя из господствующей идеологической парадигмы. Перемены не произошли мгновенно. Ещё 4 марта 1953 года Назиров пишет в дневнике: «2-го, ночью, у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Тяжёлое состояние. Что будет? Только бы жил» (302).

Нужно заметить, что это типичный путь развития мыслящего представителя этого поколения. Ср. последнюю строфу самого раннего из известных нам стихотворений В. С. Высоцкого (1938 г.р.), посвященного смерти Сталина:

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

Контрапунктом к этому «одическому» восклицанию может служить позднее стихотворение «Я никогда не верил в миражи...» (1979):

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана, —
Учителей сожрало море лжи —
И выплюнуло возле Магадана
<...>
И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

5. **Учёба в институте.** 24 июня 1953 года Назиров подал документы в Башкирский государственный педагогический институт им. К. А. Тимирязева. Примечательно, что в этот момент он настолько поглощен идеей писательства, что даже в дневнике называет свой будущий историко-филологический факультет «литфаком» (запись от 25 июня 1953 года);

---

⁵⁷ НА. 2014 № 2.

новогодняя запись в дневнике за полгода до этого посвящена отнюдь не перспективам учёбы, а именно публикационным мечтам: «Ох, когда исполнятся мои мечты? Будет ли что-нибудь моё напечатано в этом 1953 году?»⁵⁸). Год, прошедший между поступлениями, был употреблён Назировым на пополнение своего культурного багажа. В 1952 — 1953 годах его дневник наполнен литературными ассоциациями и рассуждениями на литературные темы, в которых упоминаются Бальзак, Марк Твен, аббат Прево, Вольтер, Анатоль Франс, Жан Жак Руссо, Пиксерекур (у Назирова — Пиксерикур), Байрон, Леопарди, Гюго, Гофман, Лев Толстой, Алексей Толстой, Драйзер, Пушкин, Гомер, «Давид Сасунский», Шекспир, Сервантес, Майн-Рид, Степняк-Кравчинский, Верхарн, Конан-Дойль, Золя, Чехов, Мамин-Сибиряк, Шкловский, Флобер, Достоевский, Тургенев, Рабле, Диккенс, Грин, Мильтон, Верлен.

Типичные записи этого времени: «Много читаю.

Кончаю “Education sentimentale” на французском языке. Прочёл первую треть Лесажевского “Жиль Бласа”. Прочёл книжечку стихов Брюсова, “Избранное” Есенина и вот читаю Эмиля Верхарна; в Ленинграде читывал Гейне и Блока» (запись от 6 ноября 1952); «...вот сегодня я дочитал “Манон Леско”» (запись от 25 декабря 1952); «Читаю Достоевского, “Пр. и нак.”» (запись от 13 февраля 1953); «Ещё прежде прочёл я “Бедные люди” <...> На-днях же я прочёл “Дым” Тургенева» (запись от 16 февраля 1953); «За два дня я в каком-то исступлении прочёл “Братья Карамазовы” и “Большие надежды”» (14 апреля 1953); «Перечитал “Бегущую по волнам” Грина» (20 апреля 1953) «Прочёл недавно “Творчество” Золя <...> Дочитываю “Потерянный и возвращённый рай” Джона Мильтона, прозаический перевод П. Каншина» (26 апреля 1953); «Читаю в подлиннике Верлена» (13 мая 1953)⁵⁹.

Очевидно, ещё до поступления в институт Назиров формирует самостоятельные представления о литературе: «Достоинства прозы заключаются в простоте и лаконизме. Поэты испортили прозу.

Писать просто умел Лев Толстой; он только слишком вдавался в подробности» (запись от 25 декабря 1952)⁶⁰.

Учеба в БГПИИ занимает мало места в его дневниковых записях. Есть основания полагать, что Назиров не посвящал ей все свои силы. Его читательский опыт к тому времени мог соперничать с программой любого филологического факультета. Привычка к рефлексии, внимание к историческому контексту, стремление к обобщениям давала ему очевидные преимущества перед сокурсниками. Однако учебные достижения не впечатляли. Так, фиксируя результат одной из сессий 10 февраля 1956 он делает запись: «Сессия кончена. Я получил две пятёрки и тройку»⁶¹. (1956-1958, 1, 731)

---

⁵⁸ АРГН. Оп. 4, д. 2, л. 291.

⁵⁹ АРГН. Оп. 4, д. 2, лл. 287, 288, 300, 301, 305, 307, 319.

⁶⁰ АРГН. Оп. 4, д. 2, л. 290.

⁶¹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 731.

Факультет БГПИ, на котором учился Назиров, в то время не был отчаянно плох. С 1951 года там работает незаурядный советский филолог Л. Г. Бараг (1911—1994), в первую очередь известный как фольклорист, автор приобретшей мировую известность в науке монографии «Belorussische Volksmärchen» («Белорусские сказки»), один из составителей фундаментального «Сравнительного указателя сюжетов», редактор трехтомного собрания сказок А. Н. Афанасьева⁶², посвятивший также ряд работ и творчеству Д. И. Фонвизина⁶³. Заведующим кафедрой русской литературы в пору учебы Назирова был В. Г. Прокшин, известный в советское время специалист по творчеству Н. А. Некрасова⁶⁴. В это же время на факультете работал в будущем заметный лингвист И. П. Распопов (1925 — 1982).

Сам Назиров критически оценивал продуманность учебного процесса: «Программа у нас перегружена <...> Программа заставляет разбрасывать силы на всякую ерунду» (16 января 1956)⁶⁵. Эти слова, конечно, могут относиться не только к собственно филологическим предметам, но и к обязательным в советское время дисциплинам идеологического блока. С другой стороны, и историко-литературные курсы в это время, разумеется, укладывались в парадигму господствующей идеологии. Сохранившиеся в архиве Назирова конспекты лекций В. Г. Прокшина наглядно демонстрируют характер филологического образования того времени: ««Пролетарская культура — на базе критически переработанного культурного наследия прошлого <...> Борьба с защитниками реакционных, антинародных направлений в искусстве. Например, критич. реализм развивался в борьбе с реакционными романтиками и позже — с натурализмом <...> Два направления: прогрессивное, реалистическое, народное и враждебное ему охранительное направление, служившее интересам самодержавия. Развитие русской литературы шло в непрерывной борьбе»⁶⁶.

Запись об окончании института 29 июня 1957 г. хотя и свидетельствует о естественной усталости, сопровождавшей подготовку к экзаменам, но все же демонстрирует и психологическую будничность самого события: «Сегодня я сдал последний госэкзамен — педагогику. Три “отлично” и одна “хорошо” (по русскому языку). Но это неважно. Главное, я окончил институт. Это крупное событие проходит незаметно»⁶⁷.

---

⁶² См. Список основных работ доктора исторических наук Льва Григорьевича Барага (к 75-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1987. № 2.

⁶³ Бараг Л. Г. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII века // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.—Л., 1940. С. 68—120; Бараг Л. Г. О реалистических тенденциях комедии «Бригадир» // XVIII. Т. 7. М.—Л., 1966. С. 150—156.

⁶⁴ Прокшин В. Г. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Уч. пособие. М.: Высшая школа, 1986; Прокшин В. Г. «Где ж ты, тайна довольства народного?..». М.: Наука, 1990.

⁶⁵ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 723.

⁶⁶ АРГН, оп. 3, д. 37, л. 180-181.

⁶⁷ АРГН оп. 4, д. 3б, л. 115.

Впечатления Назирова от учебы в БГПИ и студенческой жизни отразились в «Институтских рассказах»⁶⁸, свидетельствующих о его участии в общественной активности факультета и вполне типичном для своего поколения оттепельном мироощущении.

Еще до XX съезда партии Назиров иронически относился к фигуре «отца народов». Фиксируя в дневнике за 1956 год споры с «другом-сталинистом», он пишет следующее: «Он оплакивает конец сильной великодержавной дипломатии и вообще поклоняется суровому покойнику. Тому с усами <...> Я обзываю его “бонапартистом”, а он меня “хрущёвцем”»⁶⁹. В связи с известным пленумом, разоблачившим «антипартийную группу» Маленкова и Молотова, Назиров пишет: «Умом я понимаю, что Молотов неправ, что он консерватор, что он молится тени Иосифа. Но я не могу уважать Хрущёва больше Молотова»⁷⁰.

Нужно констатировать, что оттепель середины 1950-х стала для Назирова уникальным временем полного совпадения личного и общественного дискурса, временем психологического комфорта и единства с эпохой. К этому же времени относится долго вспоминавшийся анекдотический случай 1955 года, когда Назиров, ехавший в Москву в компании А. П. Филиппова, отстал от поезда в Рязани.

6. **Бишкаин.** Еще в студенчестве Назиров начал печататься в газетах⁷¹. По окончании университета он рассчитывал продолжить журналистскую карьеру, в чём можно усмотреть также влияние матери. Э. П. Фенина пишет: «его мама, работавшая в те годы в газ. “Советская Башкирия” в секретариате редакции, очевидно, очень хотела, чтобы сын писал как журналист»⁷². Однако советская система распределения выпускников сработала вопреки его планам. Назиров в августе 1957 года был направлен на работу в качестве школьного учителя в с. Бишкаин Аургазинского района БАССР. Предпринимавшиеся им попытки повлиять на это решение не дали результатов.

Настроившийся на журналистскую карьеру Назиров относительно легко воспринял произошедшее: эпоха стала динамичнее и положение сельского учителя уже не воспринималось как фатальное для интеллектуальной и профессиональной самореализации. При этом село Бишкаин находится не так далеко от Уфы, и у Назирова оставалась возможность регулярно приезжать домой. К этому времени относятся первые газетные публикации художественных произведений. На новый уровень выходят и писательские амбиции, отражающиеся в замысле большого романа о современниках.

---

⁶⁸ Назиров Р. Г. Институтские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 9—27.

⁶⁹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 808, 809.

⁷⁰ АРГН. Оп. 4, д. 3б, л. 123.

⁷¹ Первая известная нам газетная рецензия на спектакль выходит в «Ленинце» 27 декабря 1955 г., см. републикацию: Спектакль о ленинской мечте // Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011. С. 5—6.

⁷² Фенина Э. <Реальный комментарий к рассказу Р. Г. Назирова «После выставки»> // Назировский архив. 2013. № 1. С. 114.

Лейтмотив дневниковых записей этого времени — одиночество реальное и психологическое. Большинство его школьных друзей уже обзавелись семьями, а сельская жизнь не удовлетворяла интеллектуальным потребностям. При этом, судя по дневнику, Назиров относительно неплохо социализован: он обладает широким кругом общения и легко заводит новые знакомства, которые однако остаются поверхностными.

Отмечаемый ещё в школе идеализм Назирова продолжает сопутствовать ему и в бишкаинский период. При этом его идеализм и «пуританизм» литературоцентричен. Рассуждая об аморальности своего поколения (поводом послужил случай поножовщины в Уфе), он пишет: «напрашивается мысль, что это — мировое поветрие. Дети войны, поколение без отцов и без идеалов. <...> Чувства человечности, гуманизма совершенно чужды молодёжи. Во всяком случае многим её представителям. А вот культ силы невероятно разросся.

Сейчас для юнцов *Ремарк значит больше, чем Николай Островский*. Разве это нормально?»⁷³ Николай Островский как моральный идеал при взгляде из нашего времени представляется несколько несообразным. Назиров в это время демонстрирует экзотическое на современный вкус сочетание качеств: он знает несколько языков, литературную классику и при этом обладает совершенно «кондово» советскими представлениями о культуре.

3 апреля 1958 года в Уфе открывается второй пленум оргкомитета союза писателей РСФСР. Это время весенних каникул в школе, постоянного присутствия в Бишкеине не требуется, и Назиров, для которого приезд больших писателей — значительное событие, ходит на заседания пленума, пытается знакомиться с писателями, среди которых Сергей Михалков, Ярослав Смеляков, Валентин Катаев. Последнему Назиров вручил рукопись своего произведения: «...я с замирием сердца подошёл к Валентину Катаеву. Он стоял одиноко, погружённый в свои мысли, весь ушедший в себя, очень усталый, очень печальный. Рослый, с несколько обрюзгшим лицом, с орлиным носом и маленькими тёмно-кариими глазами. Он выслушал с мрачной деловитостью моё вступление, коротко отмёл всё лишнее, взял рассказ (“Перемены в Красногоре”), велел написать адрес — я подписал уфимский мой адрес на последней странице. Он сказал, что пришлёт ответ из Москвы. Всё. Я ушёл, сохранив навсегда мгновенно вспыхнувшее чувство уважения, которое вызвал во мне этот усталый, в морщинках, тёмно-карий взгляд. Он не был со мной любезен, но что мне до его любезности, наплевать! Какая мощная трагическая фигура, какое умное человеческое лицо! Я сразу узнал его, мне никто не указывал. Валентин Петрович Катаев, большой угасающий писатель, живой обломок двадцатых годов! Где, когда упустил он свой шанс на бессмертие?» (запись от 5 апреля 1958)⁷⁴. Эта история не имела продолжения. Несмотря на ожидание, ответ из Москвы так и не поступил: «Рассказ “Перемены в Красногоре” Валентин Катаев, по всей видимости, потерял. Я на этой неделе послал ему напоминание. Не знаю, получу ли я что-нибудь от

---

⁷³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 0046.

⁷⁴ АРГН. Оп. 4, д. 3б, л. 421.

Катаева. Ведь вот послал же я зимой Михаилу Светлову 3—4 своих стихотворения, даже, кажется, в конце 1957 года, а ответа нет как нет. Москва не может думать о нас, провинциалах» (16 мая 1958)⁷⁵. Позднее «Перемены в Красногоре» были напечатаны в 12-м выпуске альманаха «Литературная Башкирия» за 1959 год, есть сведения и о публикации этого рассказа по-башкирски⁷⁶.

Кроме В. Катаева Назиров общался с поэтами Лукониным и Смеляковым: «Вечером 3-го апреля я разговаривал в “кулуарах”, т. е. за столиком в фойе, с поэтом Ярославом Смеляковым <...> Я сказал, что я сельский учитель, что мне скоро уезжать, и я не смогу придти на встречу Смелякова и Луконина с молодыми. Он ответил: “Приходите в гостиницу “Башкирия”, одиннадцатый номер”.

4-го утром я застал их уже в пальто. Мои четыре стихотворения они прочли в автомобиле, а потом пять минут дружно ругали меня в вестибюле Совета Министров. И всё же у меня осталось впечатление, что они славные ребята. Быстро, точно и образно они показали мне мою собственную сущность, и по временам я хохотал вместе с ними над их остротами. <...> Они говорили в общем, что у меня есть способности, но я не сумел их применить. Дополняя сравнения друг друга, они говорили: “Есть перо в руках, но нечего писать. Понимаете, паровоза нет. Есть дым и есть подножки, а паровоза ещё нет”. <...> И в заключение Луконин первый сказал: “Но писать вам нужно”. Смеляков подтвердил: “Да, пишите”. И хотя они меня изругали, я почувствовал бодрость»⁷⁷.

В то же время Назиров пытается сформировать своё если не писательское кредо, то эстетическую программу, также соотносящуюся с идеалами эпохи: «...надо приложить ухо к земной груди и слушать, как бьётся сердце человечества. Писать лишь о том, что волнует сотню миллионов человек, не меньше. Писать для сотни миллионов человек, не меньше. С яростным упорством изучать жизнь во всех её проявлениях. Изучение искусства — полезная школа, но основа основ — знание жизни»⁷⁸ (оп. 4, д. 36, л. 402)

7. **Газета.** Впервые в «Ленинце», газете башкирского отделения ВЛКСМ, Назиров появился еще до окончания учебы. 6 июля 1956 года он устроился туда на временную (на период каникул) работу⁷⁹. Уволился в августе: «В газете “Ленинец” я больше не работаю. Скоро сентябрь, опять в колхоз, на работу»⁸⁰. Но после года, проведённого в бишкаинской школе, в августе 1958 года Назиров возвращается в Уфу и устраивается в «Ленинец» уже на постоянной основе в должности заведующего отделом литературы и искусства⁸¹. В воспоминаниях уфимского журналиста Юрия Шуганова, начинавшего тогда свою карьеру,

⁷⁵ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 512-513.

⁷⁶ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 727.

⁷⁷ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 423-424.

⁷⁸ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 402.

⁷⁹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 825.

⁸⁰ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 861.

⁸¹ НА. 2014. № 1. С. 120.

Назирова изображён центром литературной жизни, деятельным авторитетом и организатором: «Вокруг Назирова, который считался корифеем в поэзии, литературе, искусстве, крутилось множество талантов <...> В редакции газеты Ленинец, в ее коридорах вечно толпился молодой народ. За консультацией к Ромэну Гафановичу приходили молодые поэты и прозаики...»⁸². Надо сказать, что такая жизненная позиция не была свойственна Назирову в поздние годы, когда он предпочитал совершенно иную линию поведения, фактически исключая себя из общественной жизни.

В то же время отношения Назирова с начальством, по всей видимости, не были безоблачными: «Особенно не сложились отношения у Назирова с заместителем редактора Давидом Гальпериним и ответственным секретарем, и поэтом Марселем Гафуровым»⁸³. Назиров пишет об этом так: «я дал, наконец, выход своему раздражению против всевластия Д. С. Гальперина, человека активного, энергичного, ловкого, но очень ограниченного и упрямого» (29 мая 1960⁸⁴). «Очевидно, скоро я уйду из “Ленинца”. Давид Самойлович Гальперин проявляет всю свою подлость приспособленца» (3 января 1961⁸⁵). Неприятие было стойким и для эмоционального Назирова значило много. Ю. Шуганов вспоминает о событиях 1966 года: «Кстати, руководителем моего диплома считался Давид Самойлович Гальперин, а рецензентом — Роман Гафанович Назиров. Правда, когда Роман узнал, кто у меня руководитель, то наотрез отказался быть рецензентом. Пришлось долго его уговаривать. Уговорил»⁸⁶.

Подобные характеристики Назиров выдает и другим сослуживцам: «Работаю. Трудно. Редактор Рамиль Дашкин — грубый, некультурный человек, крикун, глупый хитрец. Рамиль Хакимов, благодаря которому я попал в “Ленинец”, постепенно подлеет. Много нервов уходит на редакторат» (запись от 12 декабря 1958⁸⁷). По всей видимости, Назиров получает довольно много нареканий по профессиональной линии: «На другой день после возвращения редактор вызвал меня. Привычным жестом я одёрнул пиджак, приводя себя в готовность номер один. Однако канонады не последовало»⁸⁸. Позднее характеристики становятся ещё более хлесткими: «Мне надоел этот отвратительный коллектив, где хороших людей в основном преследуют, где верховодит триумвират: ограниченный Гафуров, беспринципный Дашкин и виртуозный каузист Гальперин» (20 ноября 1970)⁸⁹.

Писательство Назиров по-прежнему мыслит главным делом своей жизни, которым он предпочитает мерить и свой быт, и свое психологическое состояние. Так, говоря в дневнике о своем талантливом друге-поэте, он замечает: «...может быть, колотушки судьбы как раз и

---

⁸² Шуганов Ю. М. Две исповеди. Уфа, 2013. С. 6—7.

⁸³ Там же.

⁸⁴ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 812.

⁸⁵ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 890.

⁸⁶ Там же. С. 16.

⁸⁷ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 646.

⁸⁸ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 706.

⁸⁹ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 857.

спасают его от гниения и застоя, в котором очутился я? Мне ведь просто не о чем писать: всё посредственно-благополучно, ни любви, ни радости, ни горя. Ни больших врагов, ни настоящих друзей. Надо бы далеко уехать или бросить писать года на два»⁹⁰. Работа поглощает все время Назирова, но не забывает он и про «...ненапечатанные рассказы, которые занимают лучшие часы мои досуга»⁹¹. Назначенный ответственным секретарём редакции «Ленинца» в феврале 1959 года, он беспокоится, что времени на творчество совсем не останется: «Однако писательство моё отдаляется за недостатком времени. Я мог писать, будучи учителем, но как писать на посту ответсекретаря (по идее самый занятой человек в газете)?»⁹². И позднее: «Ничего не пишу. Надо будет через годик уйти из газеты» (1 июня 1959)⁹³. При этом литературоведение как наука и институция в дневнике (и, скорее всего, в жизни) Назирова не присутствует вовсе — ни в это время, ни раньше. Все размышления на литературные темы, которые можно встретить в этот период, так или иначе касаются собственных поисков стиля и формы, рассмотрение своего прозаического (реже — поэтического) творчества на фоне классики: «В юности моими любимцами были Бальзак и Рубенс. Потом Уолт Уитмен и Роден. Далее Шарль Бодлер и Гойя (чёрный период). Теперь — Достоевский, Хемингуэй, Пикассо.

И всё же по стилю я ученик Бальзака. Ну, достоевщина примешалась» (11 апреля 1960)⁹⁴.

Газетная работа соответствовала жизненным запросам Назирова лишь частично: «Я работаю, дело идёт не очень хорошо. Требуют проблемных статей, очерков, критических материалов, а я не люблю их писать» (7 января 1959)⁹⁵. Известно, что из всего спектра газетных жанров наибольший интерес Назирова вызывают очерки о литературе и искусстве. В то же время на страницах дневника можно встретить лиричные признания в любви строкомеру и другим производственным инструментам газетчика. И всё же под конец журналистской карьеры интерес к этому виду деятельности у Назирова спадает: «Газета уже перестала меня тянуть» (запись от 5 июля 1962)⁹⁶.

Гораздо меньше места Назиров теперь посвящает в дневнике своим читательским впечатлениям, и это сознательная установка автора. Вот одно из редких суждений по литературному поводу: «Прочёл роман Гонкура “Актриса”. Прекрасно, но как это устарело! Рядом с Хемингуэем это выглядит другим миром, другой исторической эпохой. Впрочем, так оно и есть»⁹⁷.

Высокие стандарты нравственности не покинули Назирова вместе с юношеским максимализмом: «Как должно быть им легко и забавно жить без всяких остатков морали! Это

---

⁹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 642.

⁹¹ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 645.

⁹² АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 707.

⁹³ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 710.

⁹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 808.

⁹⁵ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 650.

⁹⁶ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 82.

⁹⁷ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 752.

кипит и резвится нарождающийся новый класс. Пляшут молодые паразиты!» (26 августа 1961)⁹⁸.

8. **Окончание карьеры журналиста.** Однако ни «через годик», ни через два Назиров по собственной воле из газеты не уходит. В дело вмешиваются неподвластные ему силы. В конце 1990-х он напишет об этом так: «Журналистом был около 4-х лет, но после того, как из-за меня редактор газеты получил выговор ЦК ВЛКСМ, я оставил газету по собственному желанию»⁹⁹.

Дневник раскрывает подробности этого поворотного эпизода: «Совершенно дикая неожиданность случилась в моей жизни. Редактора Дашкина вызвали в Москву, в ЦК комсомола. Причиной тревоги оказалась моя статья от 19 августа “Об этом говорит программа”. Я писал её с самыми лучшими чувствами. Правда, кое-какие ошибки в ней проскочили. но самое интересное — как их расценили товарищи из ЦК: вульгаризация марксизма, буржуазный объективизм и т.д. Ну, а в целом: “Удивительно, что эту статью до сих пор не перепечатали на Западе!” А что касается “фантастической новеллы” “Утро в городе Солнца”¹⁰⁰, то Карпинский (“самый умный человек в комсомоле”) сказал, что “не мог читать её без отвращения”. Словом, всю полосу под шапкой “Мечта мобилизует на подвиг и песню”, которую делал я, в ЦК комсомола разгромили вдребезги.

Ещё не знаю, чем это кончится: может быть, меня уволят с работы. <...> А вот выговор по партийной линии мне гарантирован. <...> Опять меня сделали “антисоветским элементом”, а между тем я за Советский Союз, за коммунизм, за Хрущёва. Только я плохо укладываюсь в строгие линии диктатуры: фантазирую, рассуждаю, а рассуждать-то не положено» (19 сентября 1961)¹⁰¹. Примечательна здесь оговорка «опять», видимо, суммирующая многочисленные неприятности, которые Назиров навлекал на себя своими печатными материалами.

Помимо того, что речь идёт о действительно значимом событии, запись демонстрирует важные жизненные установки Назирова. Его восприятие происходящего согласуется с модельными взглядами социалиста-романтика, то есть типичного шестидесятника, вступающего в конфликт с реакционными чиновниками: такая фабульная коллизия проявляет себя едва ли не во всех отечественных фильмах «оттепели», популярна она и в оттепельной литературе. Но концовка приводимой записи демонстрирует неоттепелый пессимизм: «Ладно. Не возражаю. Наказывайте. Рассуждения буду оставлять при себе» (Там же). Не исключено, что в этот момент образцовые социалистические взгляды Назирова уже дали трещину, через некоторое время приведшую к разочарованию в советском проекте.

---

⁹⁸ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 16.

⁹⁹ НА. 2013. № 1. С. 138.

¹⁰⁰ НА. 2013. № 2. С. 94—96.

¹⁰¹ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 44-45.

Любопытно, что опубликовав утопическую новеллу и оставшись непонятым, Назиров, тем не менее, был в русле тенденций своего времени. Вайль и Генис подмечали, что «обсуждения Программы <КПСС, опубликованной 30 июля 1961 г. — Б. О., С. Ш.> в советской периодике практически не обходилось без этого слова — “утопия”, — хотя оно прежде носило явно негативный оттенок. Теперь слово и само понятие были реабилитированы <...>. Вовсю мелькали имена Томаса Мора и Кампанеллы»¹⁰².

К профессиональным вопросам примешиваются личные отношения: «В четверг на открытом партсобрании разбирали меня за полосу. Ну, что ж, правильно всыпали. Не возражаю. Только грязный человек Гальперин решил свести счёты и внёс в чистую атмосферу коммунистической ругани, товарищеского суда, свою личную злобишку и мелкие выпады <...> Он живёт интересами своего “текущего момента”, а я работаю на коммунизм» (30 сентября 1961)¹⁰³.

8 января 1962 года дневник фиксирует конец этой истории: «Произошли большие изменения. Я уволился из “Ленинца” (Д. С. Гальперин добился своего) и поступил на работу в уфимскую районную газету “Колхозная правда” — ответственным секретарём»¹⁰⁴. Действительно, с декабря 1961-го года Назиров не работает в «Ленинце» и переходит на должность секретаря редакции газеты «Колхозная правда». Учитывая, что с момента публикации злополучной полосы прошло около трёх месяцев, а уволился сотрудник по собственному желанию, есть основания предположить, что неприятности в ЦК ВЛКСМ стали лишь косвенной (или, по меньшей мере, не единственной) причиной ухода Назирова.

Но участь журналистской специальности Назирова уже предreshена: «...в Москве собрался знаменитый пленум ЦК партии. Сельское хозяйство. Было решено создать территориальные производственные колхозно-совхозные управления. В связи с этим районные газеты по всему Союзу преобразованы в межрайонные, при управлениях. Это явилось, по сути дела, гигантским сокращением кадров в низовой прессе. <...> В Уфе была создана новая сельская газета, “К коммунизму” — для девяти прилегающих районов. В ней мне предложили место спецкора. Это означает непрерывные разъезды и командировки»¹⁰⁵ (оп. 4, д. 5, л. 81). Газетная работа в любом её виде всё меньше соответствует жизненным ориентирам Назирова. Впрочем, у него уже сформировались другие планы.

9 апреля 1962 года Назиров познакомился, а 16 мая зарегистрировал брак с Тamarой Николаевной Барышниковой 1941 года рождения. «Привыкаю к супружеской жизни. С женой мы, видимо, будем счастливы» (5 июля 1962)¹⁰⁶.

Зафиксированные в дневнике литературные открытия этого времени: Ю. Тувим и Г. Мелвилл. Одновременно Назиров признается в снижении своей творческой активности как

---

¹⁰² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 23.

¹⁰³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 51.

¹⁰⁴ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 76.

¹⁰⁵ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 81.

¹⁰⁶ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 82.

поэта: «Удивительно, как быстро меняется моя жизнь. Переход количества в качество. Видимо, поэтому я сейчас совсем не могу писать стихов. Всякая рифма — ложь»¹⁰⁷. Однако создание прозы по-прежнему остаётся для него приоритетным: «Законченная недавно повесть “Записки пессимиста” — нечто вроде сегодняшнего Клим Самгина, только в миниатюре. Её не видел ещё никто!»¹⁰⁸. Позже про эту повесть Назиров скажет: «Я совсем не нахожу жизнь такой страшной, такой чёрной, хотя написал “Записки пессимиста”, где герой проклинает жизнь и боится её. Но мне в этой маленькой повести пришлось здорово натягивать, т.к. я люблю жизнь и в общем считаю её не такой уж глупой» (26 января 1962)¹⁰⁹.

9. **Аспирантура.** Аспирантура на филологическом факультете МГУ с нынешней точки зрения была важнейшей вехой биографии Назирова. Однако для него самого поступление в МГУ первоначально было лишь возможностью «пристроиться», а несколько лет в Москве планировалось посвятить не науке, а литературному творчеству: «Три года аспирантуры могут мне много дать. И главное — три года Москвы. Буду раз в месяц ходить в Музей имени Пушкина. Зайду к Станиславу Рассадину в “Юность”. Буду писать и печататься. Познакомлюсь со всеми молодыми поэтами. Нужно пробиться. Нужно очень здорово работать»¹¹⁰.

В то же время именно период подготовки к аспирантуре (судя по дневнику впервые) дал Назирову почувствовать вкус к литературоведческим занятиям¹¹¹: «Готовлюсь в аспирантуру. Буду работать по Достоевскому. Реферат будет, видимо, называться “К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”»¹¹². «Пишу реферат, а он всё расплывается. Наступила весна, стоят чудесные деньки, девочки — просто прелесть! А я роюсь в книгах, кусаю ручку, размышляю над Достоевским. Хорошее занятия, но отдых нужен. А у меня — работа! Макеты, вёрстка, а вечером приходишь, вернее, приезжаешь с неотмытыми от краски руками, измотанный автобусной давкой, поел — и снова за Фёдора Михайловича»¹¹³.

Выбор Достоевского в качестве основного объекта исследования, таким образом, был сделан до поступления и продолжал субъективный литературный интерес (ср. приведенную

---

¹⁰⁷ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 150.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 63.

¹¹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 0076.

¹¹¹ К подготовке Назиров отнёсся более чем серьёзно: «...мне предложили место спецкора. Это означает непрерывные разъезды и командировки. Я решил уйти из газеты, чтобы готовиться к аспирантуре <...> взял академический отпуск. Без содержания. С 1 мая по 31 июля. Три месяца» (АРГН, оп. 4, д. 5, л. 0081).

¹¹² АРГН, оп. 4., д. 5, л. 0076. «Реферат» по роману «Игрок» опубликован в первом номере журнала «Назировский архив» и, несмотря на архаичность методологии и очевидную неполноту научных источников, представляет собой не реферативную, а вполне исследовательскую работу, сохраняющую некоторое значение и по сей день. См.: Назиров Р. Г. К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» // НА. 2013. № 1. С. 8—93.

¹¹³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 79.

выше запись от 11 апреля 1960 г. о влиянии Достоевского на собственное творчество Назирова).

Рекомендацию в аспирантуру Назирову дали его бывшие преподаватели В. Г. Прокшин (он же дал Назирову рекомендацию как кандидату в члены КПСС в 1958 году) и Л. Г. Бараг. Реферат о Достоевском был «положительно» (положительно-отрицательно) оценён Г. Н. Поспеловым¹¹⁴, чего было достаточно для допуска к экзаменам. «Чувствую себя весьма неуверенно. Ведь это же МГУ! У меня в голове больше фактов по истории литературы, чем теоретических её обобщений. Ненавижу теорию!» (там же). Из трёх экзаменов (по русской литературе, истории КПСС и французскому языку) Назиров в сентябре сдал на «отлично» два, получив «хорошо» по истории партии, и с октября 1962 года был зачислен в аспирантуру. Его научным руководителем был назначен А. Н. Соколов.

Назиров поселяется в общежитии на Ленинских горах, комната 740 сектора «Г» (левая комната), в правой живёт финн Пертти Валтакари, ныне известный финский переводчик с русского и болгарского¹¹⁵.

Следует упомянуть о возможном эпистолярном знакомстве Назирова с Бахтиным. Во всяком случае, Тамара Николаевна Барышникова, вдовы ученого, утверждает, что такая переписка существовала. В архиве ее следы пока не обнаружены, хотя некоторое документальное подтверждение такой возможности имеется¹¹⁶.

Круг его занятий и интересов трансформируется. Он всё больше времени посвящает научной деятельности, рецензируя книгу о Достоевском А. Труайя¹¹⁷, работая над докладом о фрейдизме¹¹⁸. Сопутствующая политическая обстановка (главным образом, внешнеполитическая), всегда занимавшая в дневнике бо`льшую часть места, отходит на второй план. Назиров пишет, главным образом о живописи, об актуальных событиях литературной жизни, хотя собственные писательские амбиции его не оставляют: «В научном зале есть молоденькая библиотекаряша <...> Только что пришло в голову дать сходное лицо героине моей повести» (11 января 1963)¹¹⁹. Что естественно для аспирантских лет, всё больше места в жизни Назирова занимает интеллектуальное развитие, ориентированное на

---

¹¹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 146.

¹¹⁵ Воспоминания П. Валтакари о Р. Г. Назирове опубликованы в НА.

¹¹⁶ См. об этом в рецензии С. Ю. Данилина на «Назировский сборник» (Уфа, 2011), помещенную в настоящем номере.

¹¹⁷ Рецензия не обнаружена.

¹¹⁸ Опубликовано в НА. 2014. № 1. С. 9—66. Дневник сообщает подробности: «Вчера на аспирантском семинаре по философии мой доклад “Критика фрейдистских теорий и их влияния на современную литературу”, который я готовил 2 месяца (72 страницы на машинке), вызвал общее одобрение. Руководитель семинара Олег Владимирович Лармин предлагал мне поработать над ним, чтобы довести до печати, но это, мне кажется, невозможно, т.к. надвигаются экзамены. Кроме того, я взялся изучать Канта, это мне нужнее (проблема свободы воли у Достоевского)» (запись от 8 марта 1963 г.; оп. 4, д. 6, л. 105).

¹¹⁹ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 40.

литературоведение: «Прочёл книжку Голосовкера “Достоевский и Кант”. Ярко, оригинально, спорно. Наделает шуму! Это уже хорошо!»¹²⁰.

Будучи аспирантом Назиров застал на кафедре Н. К. Гудзия, который позитивно отозвался о его диссертационной работе: «15 октября <1965 г.> кафедра приняла к защите мою диссертацию. На этом заседании в последний раз появился Николай Калиникович Гудзий. Он в перерыве пожал мне руку и поздравил с успехом. В конце октября, буквально дней пять назад, профессор Гудзий умер от рака печени»¹²¹.

Интеграция в научную среду проходит не всегда гладко: «Мой план утвердили на кафедре после бурного обсуждения. Глаголев выступил с громовой речью, обвинил меня в гнилом либерализме и чуть ли не в измене марксизму. Меня поддержал шеф, золотой старик. Кафедра дала отпор Глаголеву и решила принять план, но доработать в рабочем порядке» (26 марта 1964)¹²².

На аспирантские годы приходится первая научная публикация Назирова: «Написал статью “Бодлер, Диккенс, Достоевский” (к истории одного литературного мотива). Кажется, Льву Григорьевичу Барагу она понравилась. В Москве я пойду с ней к старому Леониду Петровичу Гроссману, с приветом от Барага, и попытаюсь взять у него рецензию на статью. Если всё будет в порядке, я пошлю статью и рецензию в Уфу Барагу, на адрес БГУ, заказной бандеролью. Тогда в 1964 г. статья (печатный лист) выйдет в сборнике БГУ “Традиции и новаторство”»¹²³. Статья вышла¹²⁴ и, возможно, рецензия Гроссмана на неё действительно была получена, хотя принимавший решение о публикации Бараг при своей симпатии к тексту, возможно, обошёлся и без нее.

Вместе с тем, Назиров продолжает быть активным и социально, и даже политически: 15 марта 1963, например, участвует в митинге около иракского посольства. После низложения Хрущёва, к которому Назиров в период его правления относился с симпатией, в дневнике звучат раздражённые слова об излишней болтливости бывшего Первого секретаря ЦК. Но к коммунистической идее аспирант МГУ по-прежнему относится с воодушевлением, хотя продовольственные и другие хозяйственные проблемы (отсутствие в стране не только хлеба, но и стали, резины, пластика) заставляют его усомниться в достойном продолжении ленинского курса: «Я недоволен правительством как марксист и материалист. Они не материалисты» (сентябрь 1965)¹²⁵. Собственно, здесь, как кажется, нет ничего оригинального, и проговаривая это, мы снова убеждаемся в параллельных курсах эволюции политических

---

¹²⁰ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 118.

¹²¹ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 175.

¹²² АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 15.

¹²³ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 0022.

¹²⁴ Назиров Р. Г. Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива) // Ученые записки Башкирского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. XVIII. О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1964. № 7 (11). С. 169—183.

¹²⁵ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 164.

взглядов Назирова и его эпохи. Впрочем, идеологический синтез в его сознании уже становится не вполне тривиальным: «Карл Маркс и Фёдор Достоевский — вот два моих маяка. В последние годы я ещё почему-то полюбил Канта»¹²⁶. Отставку Хрущёва в 1964 году Назиров называет ожидаемой¹²⁷.

В 1960-х годах Назиров ведёт переписку с Михаилом Николаевичем Михайловым, филологом, преподавателем Задарского университета, будущим югославским диссидентом. По всей видимости, их знакомство состоялось в МГУ и было первоначально подкреплено интересом к творчеству Достоевского. В 1965 году был Михайлов арестован. Посвящённая этому запись в дневнике Назирова: «Теперь я жду визита КГБ. Пусть приходят. Мне кажется, что было бы даже красиво продолжить семейную традицию»¹²⁸. Однако представители компетентных органов за Назировым так и не пришли.

Переписка двух молодых достоевсковедов касалась исторического контекста современной политики: «Заметьте я не анализирую все последующую историю <после 1917 г.>. Кровь моего отца не остынет, я помню всё. Но для начала я считаю революцию и Ленина величайшими положительными явлениями в истории этой страны. Да, это была трагедия. Да, многие тогда погибли безвинно, многие были выброшены вон из своего дома. Расстреливали заложников, судили ускоренным судом и т.д. А когда в России не убивали, когда не расстреливали? В историях великих стран (всех!) скользко от крови. Может, права Марина Цветаева, что ещё Пётр Алексеевич, ревнитель ассамблей, было родоначальником Советов? <...> Я считаю, что он был положительным явлением»¹²⁹. Можно отметить, что эта цитата уже демонстрирует не вполне советский взгляд на исторические события. Назиров оправдывает революцию не Марксом и классовой борьбой, а по сути, *только* исторической необходимостью и исторической (причем, весьма отдаленной) пользой. Возможно, в середине шестидесятых Назиров пытается согласовывать свое мировоззрение (уже *не* советское) с окружающей действительностью и одновременно испытывает давление сразу по нескольким направлениям: «либеральная» московская интеллигенция (включая и иностранцев), личные убеждения («кровь отца», с одной стороны, и воспитание матери, школьное воспитание, с другой) и читательские впечатления (в том же письме Михайлову он говорит о чтении Соловьева, Розанова, Шестова, Бердяева).

В сфере интересов Назирова попадает и неофициальная культура 1960-х. В дневниках того времени встречаются выписанные стихотворения Бродского¹³⁰ (оп. 4, д. 7, л. 45—53), есть пересказ «Палаты № 7» Тарсиса, во множестве попадают образцы антисоветского фольклора (анекдоты, частушки, городские легенды, слухи и пр.). Он следит за политикой в сфере культуры, не упускает из внимания дела Синявского и Даниэля, сдержанно хвалит

---

¹²⁶ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 178.

¹²⁷ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 103.

¹²⁸ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 70.

¹²⁹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0135.

¹³⁰ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 45-53.

В. Аксенова и более откровенно — Б. Окуджаву (особенно ему нравится песня «Тьмою здесь все занавешено...»). Ругает Евтушенко (прямо называя его «пошляком» и «проходимцем», д. 6, л. 65) и Вознесенского, иронизируя над обстоятельствами его принятия во французскую компартию. О Высоцком Назиров молчит, что не столь типично для его современника, следящего за актуальными событиями в культуре. С большей вероятностью можно было бы ожидать негативной реакции (как, к примеру, фильм «Человек-амфибия» низко оценён как эстетически слабое высказывание, рассчитанное на массового зрителя), но не полного игнорирования.

Читательские впечатления этого времени относятся к «Постороннему» и «Чуме» А. Камю, рассказам М. Хласко, романам Т. Готье, К. Рошфор, А. Мальро, У. Фолкнера, Я. Флеминга (последнего Назиров признаёт не лишённым таланта, но отвергает из-за ненависти к русским). Большая часть этих текстов прочитана в оригинале (какие-то просто ещё недоступны в русском переводе). В дневнике есть несколько выписанных стихотворений К. И. Галчинского. «Моим любимым прозаиком стал Альбер Камю. Это был блестящий писатель. Правда, после перевода на русский язык “The Mansion” (“Особняк”) я полюбил интеллектуальную игру, которую называют чтением Фолкнера. Но всё же Камю, его манера, мне гораздо ближе.

Но был ли в XX веке писатель, равный Достоевскому? Если бы я свободно читал по-немецки... Франц Кафка остаётся для меня неизвестной величиной»¹³¹.

Разумеется, как и всякого молодого человека, его тянет запретное: «Кстати, до сего дня меня жжёт соблазн достать и прочесть романы маркиза де Сада и знаменитый анонимный роман “Thérèse la Philosophe”»¹³² (оп. 4, д. 6, л. 0063-0064).

Самоопределение Назирова в тогдашнем культурном пространстве конкретизируется в следующей записи: «Экстремизм в эстетике — демонстративное восхваление абстрактной живописи, Кандинского, Бюффе (впрочем, его не очень знают), Миро, Клее. Целый культ Сальвадора Дали, которого я терпеть не могу. Люблю Пикассо, а здешние эстеты говорят о нём с презрением. Не схожусь во взглядах с москвичами.

Впрочем, здешние авангардисты разделяют моё презрение к нынешнему Евтушенко. О поэзии с ними говорить трудно. Сейчас я выше всех поэтов ставлю Лорку и Тувима. Снова начал любить Бодлера. Очень люблю Марину Цветаеву. Из наших — Луговской, Заболоцкий, Слуцкий, Мартынов. Несколько интересует Гумилёв»¹³³. Назиров щедро раздаёт характеристики и другим авторам, называя Виктора Некрасова лучшим советским писателем, а Шолохова «старым идиотом»¹³⁴.

13 марта 1963 года Назиров на «отлично» сдаёт кандидатский экзамен по французскому языку, 30 мая с тем же результатом — философию. 15 октября выдерживает экзамен по

¹³¹ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 20.

¹³² АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 0063-0064.

¹³³ АРГН. Оп. 5, д. 5, л. 20.

¹³⁴ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 105.

специальности. 25 марта того же года в семье Назировых появился сын: «Хотел назвать его Эрнстом, в честь Тельмана и Хемингуэя, но мать сказала, что не потерпит немцев в своём доме. Возникла такая драма, что я махнул рукой и записал его Эдуардом. Пусть будет Эдик»¹³⁵.

23 февраля 1964 года походя Назиров записывает: «Сейчас прочёл книжку “Россия” на итальянском языке»¹³⁶, таким образом, к английскому, французскому и польскому как основным языкам, на которых Назиров мог читать, добавился и итальянский. В личном листке по учёту кадров в 1995 г. эти языки фигурируют вместе с немецким¹³⁷.

10. Семидесятые годы. С января 1966 года Назиров поступает на работу в Башкирский государственный университет, в октябре того же года в Москве защищает кандидатскую диссертацию «Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов», после чего переводится с должности преподавателя на должность старшего преподавателя кафедры русской (зарубежной) литературы, а также по декабрь 1967 года исполняет обязанности декана. Дневник перестает систематически писаться после возвращения в Уфу, так что у нас есть только самые отрывочные сведения о самоощущении Назирова в этот период. Редкое исключение — запись от 4 июня 1966 года: «Я избран в партбюро факультета и даже стал заместителем секретаря. Добросовестно выполняю свои обязанности». По всей видимости, Назиров на хорошем счету на факультете, так как быстро продвигается по карьерной лестнице. Теоретически другой причиной этого движения может быть и кадровый голод в БашГУ этих лет. Впрочем, достоверно установить все обстоятельства начала работы Назирова в БашГУ затруднительно, немногочисленные мемуарные (причем, в основном, устные) свидетельства оставляют противоречивую картину. Подводя очередные промежуточные итоги Назиров записывает: «Сам я не нашёл пока удовлетворения в работе. Две научные статьи опубликованы. Мне 32 года»¹³⁸. Тогда же у Назирова появляется второй сын Станислав, будущий актёр и режиссёр¹³⁹.

Совокупность косвенных фактов, которая имеется в распоряжении биографов, свидетельствует, что в начале 1970-х годов в мировоззрении Назирова происходит коренной перелом. Дневник к этому моменту завершён окончательно, и не может этот перелом зафиксировать, но, с другой стороны, само нежелание продолжать дневник (изначально мыслившийся именно как дневник писателя) можно счесть одним из следствий произошедших изменений, связанных прежде всего с отказом от писательских амбиций (или,

---

¹³⁵ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 115.

¹³⁶ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 2.

¹³⁷ НА. 2014. № 1. С. 120.

¹³⁸ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 17.

¹³⁹ Нам приходилось слышать устные свидетельства, что Назиров мог всерьез повздорить с уже взрослым сыном, разойдясь с ним в трактовке образа Гамлета. Культура и ответственное восприятие ее вершин занимали в жизни семьи очень важное место.

по крайней мере, от той формы реализации этих амбиций, которая предполагалась автором в начале 1960-х) и сменой приоритетов в пользу литературоведения.

Чаще всего, имеющиеся в нашем распоряжении основания для датировки рукописей косвенные и не слишком надёжные, оставляющие достаточно большое временное окно, однако поддающиеся датировке рассказы, повести и романы, относятся к более раннему времени, то есть написаны до 1973 года. Именно в начале 1970-х, по свидетельству А. П. Филиппова, Назиров отказывается от возобновления своего участия в литературной жизни «Ленинца», объясняя это своей поглощённостью литературоведческими занятиями (прежде всего, творчеством Достоевского).

Это жизненный поворот, как водится, происходил не одномоментно, и поначалу Назиров пытался совместить писательскую деятельность и литературоведческие занятия. Следствием этого синтеза явился ряд небольших рассказов о русских писателях¹⁴⁰ и большой роман о Пушкине «Конец александровой эры. Хроника»¹⁴¹, который был закончен, судя по всему, в 1973 году. Особое место в этой эволюции занимает незаконченный роман «Звезда и совесть», представляющий собой попытку художественно-исторической реконструкции биографии Иисуса Христа. Работа над дошедшим до нас текстом была оставлена не ранее 1975. С одной стороны, это может свидетельствовать о сохранении писательских амбиций Назирова по крайней мере до середины семидесятых. С другой же, «Звезда и совесть» может быть проявлением первоначального интереса к мифу и широким историко-культурным обобщениям, к темам, появившимся в его научных трудах с начала 1980-х годов. Так или иначе она, безусловно, находится в тесной связи с маршрутом его научной мысли. Видимо, последний тезис относится к всем (или, по крайней мере, к подавляющему большинству) его поздних (написанных после середины 1970 годов) литературных текстов, которые, судя по первичному обозрению, относятся к различным жанровым вариантам исторической прозы.

По всей видимости, тогда же, в первой половине и середине 1970 годов начинается процесс самоустранения Назирова из общественной и политической жизни и сосредоточения на исследованиях в области истории культуры. Таким образом, его реальная биография с этого времени все больше совпадает с интеллектуальной.

С окончанием дневника круг источников, на которые можно опираться в построении биографии Р. Г. Назирова, существенно сужается. По сути дела, его биография становится историей научных текстов — публикуемых и складываемых в архив. И эта история интенсифицируется. Прибегая к образному языку справедливо будет сказать, что десятилетие от начала 1970-х до начала 1980-х стало своего рода «золотым» для творческой активности Назирова. В его бумагах этого времени есть целая серия записей, подводящих итог

140

С. 88—93.

141

См., например, Назиров Р. Г. Закат Батюшкова // НА. 2013. № 2.

АРГН оп. 1, д. 79, 80.

опубликованному и содержащих планы на будущее, большей частью осуществлённые, но не все результаты работы при этом были доведены до печати.

К декабрю 1973 года в печати вышли 8 статей Назирова, при этом 3 из них приходится на 1960-е годы (по одной в 1964, 1965 и 1967 годах), а публикационная активность 1970-х годов гораздо значительнее: одна статья в 1970, два в 1971 и по одной в 1972 и 1973. Одного взгляда на эту хронологию достаточно, чтобы сделать вывод о нарастающей для Назирова значимости науки, которая просто неизбежно должна была вытеснять писательство или, как минимум, трансформировать творческие принципы Назирова-прозаика.

В это время Назирова интересуют, в основном, различные аспекты творчества Достоевского в широком спектре от компаративного исследования мотивов («Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива)», «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)», «Гоголевская традиция и “Скверный анекдот” Достоевского») до идеологических штудий («О противоречиях в отношении Достоевского к социализму»). Особенное место занимает проблема прототипов, нашедшая воплощение в нескольких исследовательских сюжетах («Герои романа “Идиот” и их прототипы», позднее — «О прототипах некоторых персонажей Достоевского», «К вопросу о прототипе Ставрогина»). В эти же годы Назиров, видимо, в попытке расширения методологической парадигмы увлекается идеями М. М. Бахтина, что видно и по опубликованным работам и по воспоминаниям А. Л. Осповата¹⁴².

Дальнейшие годы демонстрируют сохранение, а порой и усиление публикационной активности: 3 статьи в 1974 году (все они были готовы уже в 1973), 2 статьи в 1975, 3 статьи в 1976.

В записи об итогах и планах научной работы, датированной декабрём 1973 года¹⁴³ значатся написанные и подготовленные к печати 5 работ, а также 3 замысла. К числу готовых отнесены

1. «Пособие для заочников “Творчество Достоевского (проблематика и поэтика)”». На машинописи рукописная помета «Выходит». Как мы теперь знаем, она не соответствовала действительности. Пособие издано посмертно в 2014 году. Интересны также причины появления уточнения — «для заочников». Назиров в ту пору уже один из самых любимых студентами преподавателей филологического факультета¹⁴⁴, однако на очном отделении у него не было не только спецкурса, но и нагрузки по его базовому курсу — истории русской литературы XIX века. Некоторые из его бывших студентов (В. В. Борисова, А. В. Денисова) прямо говорят, что Назирова «тормозили».

2. «Статья “Друг Пушкина в “Отцах и детях”” (о прототипе Павла Петровича Кирсанова, героя романа Тургенева)». Статья не обнаружена. Скорее всего, она была написана в период

---

142 См.: НА. 2014. № 2.

¹⁴³ АРГН оп. 1, д. 39, л. 39-44.

¹⁴⁴ По устным воспоминаниям В.В. Борисовой и А.В. Денисовой.

увлечения Назировым проблемой поиска прототипов, но не была вовремя отдана в печать. Впоследствии Назиров потерял интерес к проблеме и не стал хлопотать о публикации.

3. «Классические реминисценции в Преступлении и наказании». Статья вышла в 1976 году под заглавием «Реминисценция и парафраза в “Преступлении и наказании”».

4. «К генезису образа ростовщика в портрете Гоголя». Ещё одна статья о прототипе. Текст не был опубликован при жизни Назирова и вышел только посмертно как архивная публикация¹⁴⁵.

5. «К вопросу о прототипе Ставрогина». Статья вышла в 1976 году.

Итак, как мы видим, из пяти полностью готовых текстов были опубликованы только 2. Можно отметить, что возможностей для издания в 1970-х годов у филологов было значительно меньше, чем в наши дни. Однако в поздние годы Назиров, безусловно, имел широкий спектр предложений, но не посчитал нужным возвращаться к некогда написанным статьям. Это простое сравнение демонстрирует главную загадку архива: по каким-то причинам Назировым было написано очень много — не считая черновиков и подготовительных материалов, много того, что было уже практически готово к публикации — но доведена до печати лишь малая доля.

В записи, подводящей итог научной работе и датированной августом 1973 года значится: «<автореферат кандидатской диссертации> цитировался в научной литературе (в комментариях к академическому Полному собранию сочинений Достоевского).

Отзывы на мои работы в печати, в основном отрицательные, появлялись в журнале “Искусство кино” (1971, статья Билинкиса) и “Вопросы литературы” (1973, № 8, статья Ю. Селезнёва)»¹⁴⁶.

В университете Назиров читает спецкурс (по указанию в записи — «для заочников») по творчеству Достоевского, который воплощается в печати в виде опубликованной программы «Реализм Достоевского» (Уфа, 1972). Кроме того, уже не работая в газете, он время от времени публикует там рецензии на спектакли и кинофильмы: «Революция без легенды» (1970), «Зимняя сказка» (1971), «Разнообразие — это тоже лицо», «Легенда о Паганини» (1972), «Ищи свою дорогу...» (1973) и др.¹⁴⁷

Несмотря на очевидную неполноту представления его исследовательской работы в печати, опубликованные им в 1970-х годах научные и методические труды дают относительно целостное представление о его интеллектуальных интересах и приоритетах. В них четко выделяются три основных концептуальных направления.

Первое представляет собой дальнейшее развитие той методологической платформы, которая выработана Назировым в 60-х годах и воплотилась в его кандидатской диссертации.

---

¹⁴⁵ Назиров Р. Г. Ростовщик из «Портрета» // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 1. С. 26—27.

¹⁴⁶ АРГН оп. 1, д. 39, л. 39-48.

¹⁴⁷ См. Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011.

В центре внимания здесь стоит Достоевский, чьё наследие исследуется Назировым в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Прежде всего, это диалогические отношения между реальностью и ее художественным воплощением. Ключевая проблема штудий на эту тему — проблема прототипов. В каком-то смысле эта проблема представляет собой точку входа Назирова в науку: первый известный нам научный труд Назирова «К вопросу об автобиографичности романа “Игрок”»¹⁴⁸. При этом в статьях 1970-х годов Назиров расширяет хронологические рамки своих штудий, его внимание переключается на «Великое пятикнижие» Достоевского и прежде всего роман «Бесы».

Как теперь известно из архивных изысканий, все статьи о «Бесах», вышедшие в 1970-х годах представляют собой извлечения из задуманной и в значительной степени осуществлённой в рукописи монографии об этом романе¹⁴⁹. Эту монографию, судя по сохранившимся и посмертно опубликованным материалам отличала особая публицистичность. От политического контекста «Бесов» Назиров протягивал нить в XX век, видя в Достоевском «пророка ядерной эпохи». Эта публицистичность на наш взгляд — оборотная сторона размышлений Назирова над указанной выше проблемой соотношения реальности и художественного текста. Вопрос об этическом значении художественного текста может возникнуть только в результате соотнесения этого текста с реальностью, в которой он существует. Публицистический смысл классического текста возникает как производная от соотнесения этого текста не с контекстом создания, а с контекстом чтения. С этой точки зрения, совершенно органично обращение Назирова наряду с прототипическими связями к нравственным конфликтам в творчестве Достоевского — в первую очередь к тем, из них, что рождаются на стыке реальности и художественной стратегии. Статья «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”» оказывается логически связанной со статьёй «Пётр Верховенский как эстет».

С другой стороны, и у современных читателей, и в свое время у Назирова должен возникать вопрос, почему именно Достоевский становится ключевой фигурой подобной нравственно-публицистической реактуализации классики. Отсюда заметное в 1970 годах стремление сопоставить Достоевского с историко-литературным контекстом. Иначе говоря, сравнивая Достоевского то с Бальзаком и Лермонтовым, то с Одоевским, то с Гоголем, то с другими классиками, Назиров стремится определить вектор уникальности Достоевского. В целом это тематическое направление отмечено стремлением к целостному осмыслению Достоевского. Важным этапом этого осмысления явилась опубликованная в 1972 году методичка «Реализм Достоевского», заслужившая высокую оценку Г. М. Фридлендера. Очевидно, что материалы этого пособия были связаны с авторским специальным курсом Назирова, полные материалы которого были опубликованы только уже после смерти учёного.

---

148 См.: НА. 2013. № 1.

149 См.: НА, 2013. № 2.

Это же стремление к синтезированию интерпретаций заметно в статьях конца 1970-х «Юмор Достоевского» и пр. Конечным результатом работы в этом направлении стала классическая для достоевковедения монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского».

11. Знакомство и дружба с Г. М. Фридлендер. Ещё в период обучения в аспирантуре (1964) у Назирова завязывается переписка с доктором филологических наук Г. М. Фридлендером, едва ли не главным достоевковедом того времени. Нужно подчеркнуть, что эта переписка, перешедшая в дружбу, которая в свою очередь пережила охлаждение во второй половине 1970-х и практически прервалась в 1980-х годах, была по-своему исключительной. Будущий академик, один из инициаторов и заместитель главного редактора полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского, научный сотрудник ИРЛИ уже в то время был весьма авторитетным учёным. По его собственному признанию, «случайно» прочтя первую статью Назирова «Диккенс, Бодлер, Достоевский», «на которой лежит печать живой художественной впечатлительности, ума и больших знаний» (письмо от 10 декабря 1964), Фридлендер пишет молодому исследователю письмо, в котором предлагает свою помощь и дружбу. На протяжении почти десяти лет общения сотрудник Пушкинского Дома предоставляет кандидату наук из Уфы широкие возможности для публикации, большинство которых не было реализовано, по всей видимости, по вине самого Назирова: «нет ли у Вас какой-нибудь копии главы о “Записках”? — пришлите, если есть» (письмо от 16 сентября 1968); «могу помочь Вам получить заказы на статьи для “Литерат. энциклопедии” или на рецензию для “Вопр. литературы”» (письмо от 17 марта 1965). Сохранившаяся в памяти вдовы Ромэна Гафановича Тамары Николаевны Барышниковой легенда гласит, что в какой-то момент Г. М. Фридлендер рассматривал его чуть ли не как своего преемника в группе Достоевского в ИРЛИ. Однако практическое следствие из этой дружбы стало другим: все статьи Назирова в авторитетных изданиях, как минимум, до середины 1970-х годов появлялись в печати при поддержке Фридлендера.

Тем не менее, в автобиографии 1998 года Назиров пишет: «В Москве моим научным руководителем был профессор МГУ А. Н. Соколов, в Ленинграде я дружил с Г. А. Бялым и Б. Ф. Егоровым»¹⁵⁰. То есть Фридлендер, несмотря на тёплую многолетнюю переписку (к моменту охлаждения отношений адресаты перешли в обращении друг к другу на «ты»), даже не упоминается.

Эта биографическая коллизия содержит несколько требующих комментария аспектов.

Во-первых, как вышло, что уважаемый столичный учёный с настойчивостью (порой не находящей благодарного отклика) предлагает дружбу молодому провинциалу? Возможно, это наименьшая загадка из всех. Воспоминания свидетельствуют, что Фридлендер был увлекающимся человеком, и действительно мог «полюбить» человека за единственный доклад

---

¹⁵⁰ НА. 2013. № 1. С. 139.

на конференции: «Георгий Михайлович мог привязываться к разным людям. <...> Он же такой русский немец, и была в нём в хорошем смысле сентиментальность. Могла быть и по отношению к Ромэну. Скорее всего он и привлёк Ромэна к участию в сборниках “Достоевский. Материалы и исследования”, поскольку был тогда главный достоевсковед. Вполне возможно»¹⁵¹. Кроме того, мы вправе предполагать, что информационная насыщенность научного поля в тот момент была иной, чем в наши дни, и ценность сделанных Назировым наблюдений могла оказаться достаточной для того, чтобы впечатлить маститого специалиста.

Во-вторых, была ли теплота со стороны Фридлендера обычной для его отношений с другими людьми? Так, одно из посланий сотрудник ИРЛИ начинается словами «О, наизануднейший из достоевистов!» Насколько об этом можно судить, тон писем Фридлендера всё же контрастирует с утвердившимся о нём мнением о нем: в них нет попыток давления авторитетом, резкости и категоричности. Старший выбирает тон обращения с младшим как с *равным*, хотя и позволяет себе давать советы вроде «не подражать Альтману» и заниматься значимыми темами.

В-третьих, что послужило причиной прекращения дружбы? Очевидцы говорят, что Назиров сам отдалился от старшего коллеги, почувствовав, что тот хочет сузить его творческую свободу. Весьма вероятно, что это было не единственной причиной: при разборе части архива, которую Назиров предпринял в последний год жизни, пригласив себе в помощь авторов этих строк, он неожиданно для нас с чувством отправил в мусор одну из поздравительных почтовых карточек Фридлендера. За этим жестом как минимум должно крыться воспоминание о нанесённой обиде. Тогда же Назиров вспоминал, как Фридлендер объяснял сокращения статей при публикации: «Знаете, как мне говорил Фридлендер? “Оставьте это для тома своего собрания сочинений”». Действительно, в письме Фридлендера от 7 февраля 1970 года обнаружился источник этой цитаты: «Что касается статьи в “Р. лит.”¹⁵², то я целый год вел упорную борьбу за ее публикацию. Этим и объясняется сокращение и характер редакции. Сейчас, наконец, как Вы уже знаете, дело решено в Вашу пользу. Со временем Вы восстановите купюры в собрании Ваших сочинений, а я прошу простить редактору его ошибки». Не исключено, что одной из причин разрыва отношений стало накопившееся у Назирова раздражение отношением старшего коллеги к его статьям.

Ни один из авторов этих строк не был лично знаком с Г. М. Фридлендером, поэтому не можем строить психологических суждений о его реакциях и поступках. Наш опыт касается, естественно, только «назировской» части этого эпизода. Нам, как, вероятно, всем знакомым, Ромэна Гафановича, был хорошо знаком его страстная увлеченность делом, которым он занимался, бескомпромиссность и не всегда оправданная резкость суждений (особенно,

---

¹⁵¹ НА. 2014. № 2. С. 153.

¹⁵² Речь идёт о следующей статье: Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. 1970. № 2. С. 114—121.

спонтанных и полемических), а также — мнительность, способность иногда «оценить» ситуацию более неприглядной, чем она есть.

В переписке с Фридлиндером сохранились тексты, представляющие конкретный пример к высказанному суждению. Помещаем два этих документа целиком, поскольку пересказ их был бы менее выразителен.

1. Р. Г. Назиров — Г. М. Фридлиндеру.¹⁵³

Дорогие Георгий Михайлович
и Нина Николаевна!

Прибегаю к Вашему совету. Как мне поступить в ответ на удивительную выходку NN¹⁵⁴, который в «Русской литературе», № 1 за этот год, с. 87—88, использовал без сноски часть моей статьи трёхлетней давности? (Это «Пётр Верховенский как эстет», 1979, № 10 в «Вопросах литературы»).

Он прислал мне оскорбительно-любезное письмо, где уверяет, что сам пришёл к этому сопоставлению, а мою статью прочёл лишь недавно, но я-то знаю, что это не так.

Мы бы не хотелось поднимать скандала, но я должен как-то реагировать. Что Вы посоветуете?

Заодно ещё вопрос: я запомнил имя и отчество М. Д. Кондратьева — как его зовут и величают?

Здоровы ли Вы?

Книжка моя выйдет в этом году, а я пока пишу третью. Хотелось бы повидать Вас, но это слишком трудно. Жду ответа.

Ваш Р. Г. Назиров.

7 июня 1982.

2. Г. М. Фридлиндер — Р. Г. Назирову

15/VI [1982]

Дорогой Рома!

NN — инвалид войны, человек, жизнь которого есть подвиг. Подумаешь, какая беда, что он не прочел в свое время Твою статью и повторил Твое наблюдение (к тому же частное) без ссылки! Как я узнал в редакции, он сам был страшно этим огорчен и написал Тебе сам о своем промахе. Он сообщил об этом тотчас же и в редакцию, которая напечатает его извинение. А вот твое письмо, с нашей общей точки зрения, непростительно и очень скверно Тебя характеризует. Не забудь, что именно Пушкинский Дом и журнал «Русская литература»

¹⁵³

Копия или черновик (?) письма Назирова были вложены в конверт с ответным письмом Фридлиндера.

¹⁵⁴

Авторы по этическим соображениям решили не открывать имя фигуранта этой истории.

впервые вывели Тебя из неизвестности и создали Тебе всесоюзный авторитет. В. В. Тимофеева просит Тебе передать, что она возмущена Твоими письмами. А я огорчен!

Жму руку и жду в Питере.

С приветом от нас с Ниной!

Твой Г. Ф.

В архиве сохранилось еще одно письмо Фридлендера, посвященное этому эпизоду («Извинение журнала — по просьбе NN — уже печатается»). Видимо, вскоре после этого переписка была прервана. Последнее сохранившееся в архиве Назирова письмо Фридлендера написано через пять лет (18 декабря 1987 года) и начинается словами: «Дорогой Рома! Уже давно связь между нами прервалась. Причины этого для меня загадочны...» Тон послания очень теплый и примирительный, однако ответа, по всей видимости, не последовало.

Финал научной дружбы с Г. М. Фридлендером маркирует более серьезные жизненные процессы. С начала 1980-х годов Назиров начинает все меньше публиковаться в столичных научных изданиях (хотя возможностей для этого постепенно становится больше), тогда же откладывается защита уже написанной докторской, тогда же Назиров погружается в исследования истории мифологических сюжетов (причем, публикует едва ли десятую часть того, что пишет). Словом, этот период явно представляет собой некий поворотный пункт биографии, сравнимый с тем, что случается с Назировым десятилетием раньше¹⁵⁵.

12. Докторская диссертация. В середине 1970-х годов у Назирова рождается замысел докторской диссертации, «большой» или «главной» работы. Большой она должна была получиться не столько в силу объёма, сколько масштабности обобщений. Назиров несомненно сам чувствовал необходимость выхода на такой уровень теоретизации, но, может быть, это в какой-то мере было и следствием рекомендаций Фридлендера, однажды написавшего Назирову, до того создавшему ряд работ о прототипах у Достоевского, что не следует мельчить при выборе темы, уподобляясь в этом Альтману: «Одна статья-две — хорошо, но при Твоих способностях, — право, надо заниматься чем-то более широким и общечеловечески важным! Не сердись на меня, но я бы предпочел, чтобы Ты взялся за что-то большее, а не за подобные мелочи!» (2 апреля 1972).

Темой становится сравнительная история фабул. К началу 1980 годов текст диссертации был готов. Об этом главным образом свидетельствуют прошедшие в это время его обсуждения¹⁵⁶ в БашГУ (19 сентября 1980 г.) и в ЛГУ (15 мая предположительно 1981 г.), а также прочие косвенно указывающие на это факты, вроде следующего обращения ректора БашГУ Ш. Х. Чанбарисова к директору издательства Саратовского университета, в котором

---

¹⁵⁵ Косвенно это подтверждается и библиографическими данными. См. предисловие к библиографии Р. Г. Назирова, публикуемой в этом номере.

¹⁵⁶ См.: НА. 2014. № 2.

должна была выйти монография Назирова «Творческие принципы Ф. М. Достоевского»: «Обращаюсь к Вам с просьбой по возможности ускорить в свет монографии Р. Г. Назирова «Творческие принципы Достоевского», которая была давно принята Вами. Р. Г. Назиров завершает докторскую диссертацию. Его работы по истории русской классической литературы неоднократно публиковались в академических сборниках и журналах, апробированы научной общественностью.

Очень просил бы Вас, чтобы его монография была издана не позднее 1-го квартала 1981 года» (9 июня 1980). Таким образом, здесь издание единственной прижизненной монографии¹⁵⁷ Назирова увязано с завершаемой докторской.

Однако Назиров поразительным образом не предпринимает никаких шагов к защите готового текста работы. Всё десятилетие 1980-х годов текст докторской лежит в его архиве, возможно, дорабатывается и шлифуется, но защиты так и не происходит. Более того, Назиров увлекается новой темой — историей фольклорных сюжетов и раз в год публикует по статье, реконструирующей архаические истоки и эволюцию древних фабул. Параллельно с этим в его творческой лаборатории зреет замысел большой книги об истории сюжетов («Преобразования сюжетов»), в которую вошли бы все написанные статьи и необходимые исторические обобщения¹⁵⁸.

Лично знавшие Назирова предлагают несколько гипотез, объясняющих произошедшее:

1. Резкий в суждениях Назиров приобрёл достаточно недоброжелателей в литературоведческих кругах Москвы и Ленинграда. Они не позволили бы ему успешно защитить докторскую работу, и, зная об этом, он не предпринимал шагов для устройства защиты.

2. Назиров удовлетворялся самим процессом работы, и внешние соображения статуса (наличие докторской степени) были ему чужды. Написанная докторская диссертация уже была для него достойным завершением труда, а вопрос защиты или публикации не был принципиален.

3. Эмоциональный Назиров получил в процессе обсуждения диссертации несколько рекомендаций по исправлению текста, с которыми не был согласен. Нежелание подстраиваться под чужое мнение вынудило его положить готовую работу «в стол». Однако имеющиеся в нашем распоряжении стенограммы обсуждений в Уфе и Ленинграде демонстрируют вполне благожелательное отношение специалистов к работе, и, более того, разного рода отметки и маргиналии Назирова в этих записях свидетельствуют, скорее, о его согласии с большинством замечаний.

---

¹⁵⁷ В записях самого Назирова монография под таким названием значится готовой и сданной в печать уже августе 1976 года; судя по той же записи, автор рассчитывает на её публикацию в 1978 году. В действительности книга вышла в 1982 году.

Возможно, что интересы Назирова в это время окончательно смещаются из области исследования отдельных проблем в область построения обобщённой картины мира, цельной модели, объясняющей исторические процессы в культуре человечества. Поэтому архив с его рефлексивно-мнемонической функцией становится для него самого важнее, чем реальные публикации, которые в силу естественных причин должны быть посвящены дискретным эпизодам.

13. Последние годы. В марте 1990-го года Назиров выезжает в Сорбонну на международный симпозиум «Чехов и Франция». Чехов становится вторым после Достоевского героем его исследовательских работ. А. А. Илюшин вспоминает об этом так: «Впервые в жизни, гуляет по парижским улицам вместе со своим другом проф. В. Б. Катаевым, бывавшим здесь и ранее. Кажется несколько странным, что не очень-то смотрит по сторонам — сосредоточен, задумчив. ничего странного, — возражает Назиров: я же тут всё знаю; вот, к примеру, пройдет еще с полквартала, и будет дом, в котором... И начинается его профессиональное повествование о достопримечательностях французской столицы. Выяснилось, что еще у себя дома он написал целую двухтомную книгу о Париже, предварительно изучив литературу вопроса, источники, главным образом франкоязычные»¹⁵⁹. В это десятилетие Назиров посещает также международные конференции в 1998 году в Нью-Йорке и в 2001 году в Баден-Бадене («Dostojewskij und Deutschland»).

В 1991 году Назиров тяжело заболевает: «лежит в больнице, врачи опасаются самого худшего. Сердце! Говорить ему трудно, тут уж не до болтовни об Аксаковых и аксакалах. Лежит на больничной койке отрешенный, подавленный, осунувшийся»¹⁶⁰. Однако болезнь отступает и Назиров возвращается к работе.

Насколько об этом можно судить по косвенным свидетельствам, в начале 1990-х замысел «Превращения сюжетов» постепенно трансформируется в более масштабный — книгу о мифе в истории человечества. Она вбирает в себя многое из сказанного в статьях об эволюции фольклорных сюжетов 1980-х годов, но в своей сути представляет реализацию нового замысла, выходящего за пределы и собственно литературоведения, и филологии вообще в область философии истории. К 1996 году рукопись книги в целом завершена, но Назиров опять-таки не пытается её опубликовать. Единственная большая работа этого времени, о которой достоверно известно, что Назиров надеялся на её публикацию, это словарь сюжетов мировой литературы, планировавшийся к выходу в издательстве «Башкирская энциклопедия», но вышедший в итоге в Башкирском государственном университете после

---

159 Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирове // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2.

160 Там же.

смерти автора¹⁶¹. Создаётся впечатление, что публикационная судьба всего остального написанного им была Назирову безразлична.

В 1995 году в Екатеринбурге Назирову наконец присваивают докторскую степень, однако на защиту выносятся не текст диссертации, а диссертация в виде научного доклада, то есть, по сути, один автореферат работы под заглавием «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул». Полный текст докторской диссертации и тогда остался не опубликован. Отдельные главы из неё были напечатаны в сборнике статей в Свердловске в 1980 году¹⁶² и посмертно в «Вопросах литературы» в 2012 и в эстонском журнале «*Slavica Revalensia*»¹⁶³.

В это же время распадается брак Назирова с Т.Н. Барышниковой, супруги разъезжаются.

С октября 1989 года Назиров становится заведующим кафедрой русской литературы Башкирского государственного университета. Назиров активно преподаёт на факультете, читая курсы истории русской литературы второй половины XIX века, элективные курсы истории религии и истории эстетических учений, а также «закрывая» собой бреши в расписании.

В 1998 году происходит первая защита диссертации, выполненной под руководством Назирова (Шишкина Е. В. «Мотивы древнерусской литературы в творчестве Ф. М. Достоевского»). Всего таких защит будет 7 (седьмая состоится уже после смерти Назирова в 2004 году), из этих шести диссертаций четыре посвящены творчеству Достоевского.

В 2000-х годах у Назирова появляются депрессивные настроения. В письме Г. К. Щенникову от 8 июля 2000 года он пишет: «Видите ли, в течение ближайших пяти лет я собираюсь умереть. Может быть, проживу шесть лет, а может быть — год. <...> В этом состоянии я ничего серьёзного писать больше не могу. <...> Сейчас я считаю своим долгом только помогать молодым талантам». Примечательно, что едва ли не последняя работа Назирова — заявка доклада на достоевистский конгресс, озаглавленного «Ритуалы смерти в романах Ф. М. Достоевского». Крупные литературоведы в конце жизни, вообще говоря, не раз обращались к теме смерти. Так, у В. А. Грехнева одна из последних статей посвящена

---

161 См.: Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник / Р. Г. Назиров. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. Нужно, однако, отметить, что текст попавший в итоге в издательство «Башкирская энциклопедия» и пролежавший там более десяти лет оставляет серьезные сомнения в том, что является продуктом окончательной авторской воли. См. подробный разбор этого издания в рецензию: Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // НА. 2014. № 1. С. 142—147.

162 Назиров Р. Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870—1890 гг. Свердловск, 1980. С. 94—107.

163 Назиров Р. Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 49—87; Фабула о продавшемся таланте // *Slavica Revalensia*. 2014. I. С. 101—117.

символике живого и мёртвого в «Мёртвых душах», а последняя прижизненная публикация Ю. М. Лотмана называлась «Смерть как проблема сюжета».

Тем не менее, в 2000-е годы выходят три статьи Назирова: «Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского» (2000; как мы теперь знаем, статья представляет собой извлечённую главу из книги о становлении мифов), «Семантика движения в романах Достоевского» (2002) и «Направленность трансформации в романе “Игрок”» (2004), которую Назиров успел самостоятельно сдать в печать.

В 2003 году состояние здоровья Назирова резко ухудшается. В начале 2004 Ромэн Гафанович попадает в больницу, а 16 января умирает, не дожив трех недель до своего семидесятилетия.

В сухом остатке перечисления событий из биографии Назирова неудачи будут заметнее: он не поступил в ЛГПИ им. А. И. Герцена, не смог закрепиться на кафедре после института, не удержался в газете, не реализовал свою мечту стать признанным писателем, не защитил написанную докторскую в 1980-е годы, не смог ввести разработанные им за пределами достоевистики концепции в научный оборот. Однако судить любого творческого человека следует, расширяя мысль Пушкина, «по законам, им самим над собою признанным». В случае Назирова этот суд облегчается тем, что он сам сформулировал эти законы. В «Становлении мифов», рассуждая о «Фаусте» Гёте, Назиров пишет: «...он оправдан, ибо человека должно судить не по грехам и ошибкам его превратной судьбы, а по эссенциальному итогу всей его жизни»¹⁶⁴. С этой точки зрения «итог» жизни Назирова можно будет подвести только тогда, когда его наследие будет хотя бы относительно полно введено в научный и культурный оборот. Уже сейчас очевидно, что масштаб этого наследия выходит далеко за рамки его прижизненных публикаций и достижений.

Список сокращений

АРГН — Архив Р.Г. Назирова

НА — журнал «Назировский архив»

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

КЕЭ — Краткая еврейская энциклопедия

